

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2005 г.

ΘΕΟΦΡΑΣΤΟΥ ΠΕΡΙ ΛΙΘΩΝ

ТЕОФРАСТ О КАМНЯХ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии А.А. Россиуса

Трактат Теофраста «О камнях» входил в одну группу с рядом других, не сохранившихся до нашего времени его сочинений, на часть из которых автор прямо или косвенно ссылается и в данном своем труде. Вместе с последним этой же сфере знаний о природе посвящались, согласно списку сочинений Теофраста у Диогена Лаэртция, трактаты «О металлах» (περὶ μετάλλων, *Diog. Laert.* V. 44. 19, ср. § 1), «О солях, щелоке и квасцах» (περὶ ἄλων, νίτρον, στυπτηρίας), «Об окаменелостях» (περὶ τῶν <ἀπο>λιθομένων, ср. *Regenbogen*, ср. § 4 и 38) и «О лавовом потоке на Сицилии» (περὶ ῥύακος τοῦ ἐν Σικελίᾳ, *Diog. Laert.* V. 49. 21, ср. § 22). Сам Теофраст дает нам *terminus post quem* для датировки своего сочинения: в § 59 (см. прим. 86) упоминается архонтство Праксибула, которое приходится на 315–314 гг. до н.э.; следовательно, трактат «О камнях» не мог быть написан раньше этого времени, причем за дату его возникновения естественно было бы принять время, не слишком отсюда удаленное, – в противном случае хронологическая ссылка Теофраста успела бы утратить актуальность¹.

Отправной точкой минералогической теории Теофраста были краткие замечания насчет образования минералов и металлов, которыми Аристотель завершает последнюю главу III книги «Метеорологики» (278a15–b6). В конце этого пассажа Аристотель обещает ниже рассмотреть поднятые вопросы более подробно, однако IV книга посвящена совсем иным предметам, своего рода химической теории². Разработкой, хотя и с

¹ Против такой датировки в своей монографии о Диокле решительно выступил В. Йегер (*Jaeger W. Diokles von Karystos*. В., 1938. S. 116–123; опираясь, в частности, на упоминание Диокла в § 28, Йегер датирует наш трактат временем после 300 г. до н.э.), однако разбирать здесь его аргументы было бы неуместно, тем более, что по крайней мере часть из них убедительно опровергает в предисловии к своему изданию Эйхгольд (см. ниже).

² См. *Düring J. Aristotle's Chemical Treatise, Meteorologica IV*. Göteborg, 1944.

довольно критических позиций, взглядов Аристотеля и стал труд Теофраста. В этом кратком введении невозможно братья за трудную задачу реконструкции учения Аристотеля об образовании минералов³, без чего нельзя разрешить и многие затруднения и неясности, возникающие в связи с минералогической теорией Теофраста. Ниже дается не более чем краткая схема этой теории и минимальные разъяснения по поводу основных составляющих ее понятий⁴: в противном случае многие места в переводе останутся непонятными.

При всей скупости и неполноте формулировок во вводных параграфах трактата процесс формирования ископаемых делится, согласно Теофрасту, на три этапа. Во-первых, с точки зрения главных составных частей ископаемые вещества делятся на камни и земли, образующиеся из земли, и металлы, образующиеся из воды. Предметом трактата «О камнях» служат только вещества, образованные из земли. Во-вторых, в процессе образования последних земля превращается в «некое чистое и однородное вещество» путем либо «истечения» (συρρόη), либо «отцеживания» (διήθησις), либо посредством какого-либо иного способа отделения (ἐκκρίσις). Наконец, в-третьих, чистое и однородное вещество претерпевает «затверждение» (πῆξις) под воздействием жара или холода, превращаясь в камень или землю, служащую предметом разработки.

Гипотеза о том, что металлы состоят из воды, высказана уже в платоновском «Тимее»: в частности, золото состоит из «плавкой» разновидности воды (χυτὰ ὕδατα, 59b1). На плавкости металлов настаивает в своем минералогическом экскурсе и Аристотель (378a27: ὅσα μεταλλεῖται καὶ ἔστιν ἢ χυτὰ ἢ ἑλατά), производя и аналогичную Теофрастовой дихотомию между «ископаемыми» (ὀρυκτά), которые образуются под действием сухого испарения, и металлами, происходящими из испарения влажного и парообразного (ἀτμιδωδης). Таким образом, при помощи гипотезы о воде как главном составном элементе металлов объясняется их способность плавиться и становиться при нагревании ковкими. Однако и Платон, и Аристотель говорят о воде отнюдь не в повседневном смысле: первый из них разделяет воду на «жидкий» и «плавкий» виды (58d5: τὸ μὲν ὑγρὸν, τὸ δὲ χυτὸν γένος αὐτοῦ), а второй прямо говорит, что вещество металлов было водой потенциально, но более таковым не является (378a33–34: δυνάμει μὲν γὰρ ἢ ὕλη ὕδατος ἦν, ἔστι δ' οὐκέτι). И хотя Теофраст упоминает и просто о воде без каких-либо квалификаций, можно не сомневаться, что он разделяет взгляды своих предшественников: в противном случае он не выделял бы специально в § 50 земли, происходящие из сухого испарения.

Слово «земля» употребляется в трактате «О камнях» в трех смыслах: 1) в ее противопоставлении другим сферам мироздания: небу, морю и т.п.; 2) в ее противопоставлении трем прочим элементам: воде, воздуху и огню; 3) в минералогическом противопоставлении камню. Судя по словоупотреблению Аристотеля, хотя он рассматривает влажное испарение в качестве материальной причины возникновения металлов (в его формулировке с металлами данный вид испарения соединяется через простой genitivus originis, 378a27), сухое испарение выступает у него действующей причиной образования минералов (378a 21–22: ξηρὰ ἀναθυμίασις... ποιεῖ τὰ ὀρυκτὰ πάντα). Значит, состоят минералы из земли во втором из указанных выше смыслов, что подразумевает, что земля входит в них в качестве главного элемента, но наряду с тремя другими. О том, что Теофраст и в данном фундаментальном вопросе соглашается с Аристотелем, видно из § 10, где прямо говорится о наличии воды как условия расплаваемости веществ, в том числе, очевидно, и некоторых минералов; кроме того, только если вода в принципе наличествует в камнях как условие их скрепления, возможно в § 11 говорить о «полном высыхании» камней.

³ Подробный анализ сохранившихся свидетельств дается в статье Д. Эйхгольца: Eichholz D.E. Aristotle's Theory of the Formation of Metals and Minerals // CQ. 1949. 43. P. 141–146.

⁴ В основном я следую мастерскому разбору Эйхгольца, который он поместил в предисловии к своему изданию.

Однако, подобно воде металлов, и эта элементарная земля, составляющая камни и минеральные земли, не тождественна земле нашего обыденного опыта: повсеместное присутствие в минералах последней не могло бы объяснить все разнообразие их качеств, перечисленных Теофрастом в § 1 и 2 (цвет, гладкость, плотность, прозрачность и др.). Носителем этих потенциалов может быть только земля, преобразовавшаяся в «чистое и однородное вещество» в ходе упомянутых выше процессов истечения, отцеживания и вообще отделения. Конкретный набор качеств минерала будет зависеть от того, как протекали процессы образования его исходного вещества (именно это, по всей видимости, подразумевает, например, не вполне сохранившийся текст § 61). Подробнее понятия, обозначающие эти процессы, Теофраст не раскрывает, и об их точном содержании мы можем лишь строить более или менее обоснованные гипотезы. Об отцеживании или процеживании как механизме формирования ископаемых говорит в приведенном выше пассаже уже Платон: наиболее плотная разновидность плавающей воды, будучи процежена сквозь камень (*Plat. Tim 59b4: ἠθημένως διὰ πέτρας*), затвердевает в виде золота; один из видов земли, процеженный через воду (*id. 60b6: ἠθημένον διὰ ὕδατος*) и вдавленный в полости, освобожденные возникшим при разложении воды в ходе реакции с землей воздухом, затвердевает в виде камня. Бросающееся в глаза отличие воззрений Теофраста от Платона состоит в том, что у первого из них за затвердевание минералов отвечает вовсе не процеживание, но описываемое им как следующий, заключительный этап их формирования воздействие жара или холода (§ 3). Важно, однако, что, как подмечает Эйхгольц, сообщаемые Платоном подробности его теории позволяют предположить, что и у Теофраста значение механизма процеживания в отличие его от истечения может заключаться не столько во влиянии на качественные характеристики формируемого минерала, сколько в распределении его в земле не в виде россыпей, но в жилах. Другими словами, отличительные свойства, διαφοραί (ср. § 1, 48 и прим. 2, 66) минералов зависят от того, как протекало отцеживание или истечение, характер залегания его в земле – от того, какой из двух процессов доминировал. Образование пород иного рода, скапливающихся не в жилах и не в россыпях, – например, пемз (§ 19–22), – объясняется в таком случае неким «иным способом отделения».

В таком случае процесс истечения, σὺρροή, должен объяснять образование пород в россыпях. И действительно, такое предположение, как кажется, подтверждается тем, что в упомянутом уже § 61 Теофраст, переходя к описанию россыпных минеральных земель, упоминает только об «истечении и выделении», но не об отцеживании. Вообще говоря, сам по себе данный термин довольно неясен, однако примерно его значение в минералогическом контексте можно вывести из таких примеров, как «слезоподобные выделения» (δοκρυώδη σὺρροήν) растений у Теофраста (*Hist. plant. VI. 6. 8. 8–9*), или из следующей параллели в «Истории животных» Аристотеля: личинки комаров возникают в иле колодцев или там, где имеется «стечение воды, содержащей землистый осадок» (σὺρρεούσας ὕδατος γειώδη ἔχουσα ὑλόστασιν, 551b28–29). Таким образом, на русский язык Теофрастов термин уместнее было бы переводить как «натекание», «натечи», но, к сожалению, эта лексикологическая ниша уже занята конкретными минеральными образованиями, ничего общего с предметом теории Теофраста не имеющими (известковые натечи в пещерах). Учитывая сказанное, особую наглядность приобретает рассуждение об изготовлении искусственных минеральных земель в § 56–59, подытоживаемое мыслью о том, что искусство подражает природе. Описанный в § 58 процесс производства искусственной киновари, заключающийся в последовательной очистке образующегося при промывании песка осадка, почти наверняка подражает природному «истечению».

Что касается, наконец, третьей, финальной стадии образования камней и минеральных земель, здесь Теофраст, хотя и дает нам в § 3 скупую, но точную формулировку теоретических оснований происходящих на этой стадии процессов, бывает особенно острожен и говорит неуверенно, когда речь заходит о применении теории к конкретным случаям. Общий принцип, согласно которому два противоположные процесса затвердевания минерала (πῆξις) и его размягчения (τῆξις) должны принадлежать противопо-

ложным по роду воздействиям, неоднократно провозглашается в IV книге «Метеорологии» Аристотеля, например, следующем пассаже: «если две причины, – холодное и сухое вызывают затвердевание, то разжижение с необходимостью вызывается теплым и влажным, т.е. огнем и водой, ибо они противоположны» и т.д. (384b2–4, пер. Н.В. Брагинской; см. также § 3 прим. 7). Однако имеющийся в его распоряжении фактический материал позволяет Теофрасту с уверенностью говорить о формировании целого класса минералов посредством одного конкретнейшего процесса только в единственном случае земель, разрабатываемых в металлических рудниках: в § 50 свои наблюдения над такими видами, как сандарак и желтая обманка, которые очевидно возникают в результате обжига, он экстраполирует и на прочие рудные минеральные земли – все они проходят затвердевание под действием «сухого дымного испарения», т.е. огня, и все они «растворяются» водой, холодным и влажным началом.

Как и в случае с другими произведениями Теофраста⁵, трактат о камнях неоднократно объявлялся филологами, особенно учеными гиперкритической эпохи, либо отрывком более обширного сочинения (Виммер), либо сокращением, экскерптами из утраченного труда (Шнейдер). Укоренению такой точки зрения немало способствовало плачевное состояние рукописной традиции и обилие в тексте трудноразрешимых интерпретационных проблем. Чтобы обоснованно судить об имеющемся у нас тексте, необходимо иметь в виду структуру трактата, которая может быть представлена следующим образом:

§ 1–3а. Вводные замечания: теория формирования минералов (камней и земель в их отличии от руд металлов).

I. § 3b–47 Камни:

§ 3b–22 редкие и необычные свойства камней (38); их способность поддаваться или не поддаваться огню (9–19); экскурс о пемзе (19–22);

§ 23–9а драгоценные камни и их свойства; экскурс о смарагде (23–27); заметки о магнитном камне (29); жемчуге (36); ископаемой кости (37); кораллах (28);

§ 39b–40 камни, добываемые в рудниках;

§ 41–47 свойства камней при обработке (41–44); экскурс о пробирном камне (45–47).

II. § 48–69 Земли:

§ 48–50а свойства земель, принцип их классификации – цвет;

§ 50b60 земли, сопутствующие металлическим рудам; использование их в качестве красок; способы получения искусственных красок (изобретения Кидия, Каллия и проч.);

§ 61–69 земли, разрабатываемые сами по себе.

Такое строение вряд ли может быть свойственно фрагментарному тексту: скорее мы здесь наблюдаем композиционные признаки законченного научного сочинения⁶. Вводная часть, несмотря на свою краткость, посвящена теории, которую иллюстрирует весь дальнейший излагаемый материал; при этом в первом параграфе обозначается различие между металлами, основной составной частью которых признается вода, и камнями и землями, где эта роль отводится земле. Тем самым трактат помещается в контекст других известных нам минералогических сочинений Теофраста, прежде всего

⁵ Проблематичными и даже подложными признавались почти все из сохранившихся малых произведений Теофраста: «Об огне», «О запахах», «О ветрах», «О приметах погоды» (о последнем см. ниже).

⁶ Сходную структуру демонстрирует и трактат «О приметах погоды» (русский перевод см. в кн.: Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Перевод и комментарии А.А. Россиуса, вступительная статья Г.М. Дашевского. Под ред. Н.А. Федорова и П.В. Щеглова. М., 1992. С. 88–99, комментарии на с. 162–173): общее введение (§ 1–9: классификация примет в зависимости от астрономических, географических и зоологических наблюдений); приметы бури и дождя (§ 10–25); приметы ветра (§ 26–37); приметы бури и холода (§ 38–49); приметы хорошей погоды (§ 50–55); заключение: сроки действия примет (§ 56–57). Хотя явные погрешности против норм классического стиля (прежде всего несвойственный Теофрасту hiatus – см. об этом *Regenbogen O. s.v. Theophrastos // RE Supp. VII* (1940). Sp. 1412–1414) не позволяют считать это сочинение Теофрастовым подлинником, оно несомненно представляет собой продукт перипатетической учености, в основе своей имеющий исследование Теофраста.

утраченного исследования περί μετάλλων. Подмеченная Эйхгольцем деталь, отсутствие в первой фразе трактата (τῶν ἐν τῇ γῆ συνιστοῦσάντων...) соединительных частиц, тоже указывает на то, что эта часть текста задумывалась именно как введение. Нет никаких признаков и того, чтобы текст обрывался в конце: хотя в нем и отсутствует формально обозначенное заключение, в § 61 автор заявляет, что «еще остаются <не затронутыми описанием>» (ἐτι λοιπὰ) самородные земли, разрабатываемые независимо от руд металлов, и последние восемь параграфов как раз и посвящены соответствующим четырем разновидностям земель. Что же касается предположения о том, что дошедший до нас вариант текста представляет собой парафраз или эксцерпты, оно фактически опровергается тем, что из достаточно большого числа цитат⁷ из нашего трактата в сочинениях античных авторов только одна, приводимая Афинеем (см. § 36, прим. 53), содержит могущую претендовать на подлинность фразу, бесследно исчезнувшую из рукописной традиции Теофраста.

Итак, имеющееся у нас сочинение – скорее всего все-таки труд Теофраста, а не анонимного эксцерптора. Это не означает, однако, что в нем вовсе нет пробелов по сравнению с некогда существовавшим оригиналом – достаточно указать хотя бы на ту же цитату у Афинейя или на безответную ссылку автора на самого себя в § 2 (см. прим. 5). Их возникновению могло способствовать не только очень низкое качество рукописной традиции (об этом см. ниже), но и характер самого трактата, по всей вероятности, с самого начала эзотерической. Не исключено, что античный его текст возник из неполной или несвершенной расшифровки лекционных или исследовательских заметок Теофраста, причем эта расшифровка могла принадлежать самому автору или кому-то из его учеников и последователей⁸. Особенно характерно в этом смысле введение, в котором вопросы минералогической теории обозначены в форме краткой до невразумительности, чего совершенно недостаточно для прояснения многих примеров в основном тексте трактата, которые поданы автором как иллюстрации тех или иных теоретических принципов (§ 9, 27, 48 и др.). Вряд ли можно сомневаться в том, что подобное видимое отсутствие внутренней согласованности материала должно было на протяжении всей истории рукописного предания провоцировать накопление неадекватных объяснений и дальнейшую порчу текста.

Неудивительно, что при обилии таких затруднений в тексте лишь постепенно и благодаря успехам филологической критики проступает сквозь него то, что – по слову А.И. Доватура – может быть названо «повествовательным и научным стилем Теофраста». Теофраст в еще большей мере, нежели его учитель Аристотель, – собиратель фактов; он гораздо менее склонен к абстракциям и теоретизированию. Некоторые характерные черты изложения материала в трактате «О камнях», как и в других сочинениях Теофраста, объясняются нежеланием его делать обобщения там, где в этом нет абсолютной необходимости⁹. Даже в тех случаях, когда обобщения в той или иной форме неизбежны, в его фразах почти всякий раз звучит смягчающая категоричность тона оговорка συχεδόν («примерно», «в общих чертах» – ср. § 17, 36, 48, 62). Приверженность фактам заставляет в каждом отдельном случае искать средства описания, подходящие именно к данному феномену. Вытекающее отсюда отсутствие единообразия в подаче материала создает дополнительные трудности для понимания неискушенным читателем, но имеет и свои достоинства. «Подобный углям, но обладающий тяжестью»

⁷ Античные свидетельства, цитаты и парафразы из трактата *De lapidibus* собраны в кн.: Theophrastus of Eresus. Sources for his life, writings, thought and influence / Ed. W.W. Fortenbaugh et al. Pt I. Brill, Leiden–New York–Köln, 1992. P. 372–377.

⁸ О. Регенбоген усматривает примеры такого неудачного внутришкольного редактирования даже в таком сравнительно хорошо сохранившемся сочинении Теофраста, как *Historia plantarum*: *Regenbogen O. Theophrast-Studien // Hermes*. 1934. 69. S. 75–105, 190–203, особ. 79–80.

⁹ Как подмечает Эйхгольц, весьма показательно, что в § 29 Теофраст даже не пытается объяснить силу магнитного камня, хотя эта абстрактная проблема занимала многих из лучших умов Греции; в то же время он подробно объясняет действие пробирного камня (§ 45, 47), принципы которого легко выводятся из наблюдательных данных.

(§ 39) – на первый взгляд, это или неаккуратная формулировка, или свидетельство неумения составить таковую. Однако при внимательном чтении образ, возникающий здесь, оказывается гораздо нагляднее и, как ни странно, точнее, чем то, что доступно даже самой корректной формулировке, ибо каждый помнит мелькающее в глубинах сознания ощущение парадоксальной связи между «субстанциальным» видом древесного угля и его легкостью; с человеческой – не математической – точки зрения уголь действительно «не обладает тяжестью».

На протяжении всего трактата Теофраст упорно занят не тем, что, казалось бы, должно представлять интерес с позиций свойственной его эпохе «неучености», иными словами, отсутствия надлежащих знаний о внутренней структуре вещей, – напротив, предмет его внимания а первую очередь составляют те «скучные» вопросы, которые, как стало понятно уже в Новое время, и дают ключ к пониманию подлинного строения материи: вопросы о плотности, твердости и т.п. Но трактат Теофраста так и остался первым и последним законченным памятником научной минералогической мысли античности и средневековья; только здесь мы находим попытку объяснить происхождение минералов, дать их генетическую и функциональную классификацию и осмыслить достаточно важные, хотя и разрозненные, результаты экспериментирования с ними. В этих своих предпочтениях Теофраст не имел последователей вплоть до позднего появления трудов Альберта Великого (*De mineralibus*, середина XIII в.) и Георгия Агриколы (*De re metallica*, середина XV в.). Для всей обширной эллинистической, позднеантичной и средневековой литературы, посвященной камням и землям, Теофраст стал источником фактов, которые встраивались в совсем иной интеллектуальный контекст. Лишь немногие авторы по-прежнему ставили своей целью научную классификацию и описание минералов, впрочем, смешивая почерпнутые у Теофраста сведения с предрассудками и невероятными историями, в которых фигурировали камни. Таковы были несохранившиеся сочинения Сотака (начало III в. до н.э.) и Ксенократа Эфесского (I в. н.э.)¹⁰, вошедшие, наряду с трактатом Теофраста, в число источников минералогических книг «Естественной истории» Плиния Старшего (XXXVI и особенно XXXVII). Гораздо обширнее возникшая под восточными влияниями синкретическая традиция, в которой всякий научный интерес откровенно приносится в жертву магии и религиозному символизму¹¹. В книги этого круга камни попадают не ради научного интереса, возможностей классификации и объяснения их происхождения; поздних авторов занимают лишь редкие и диковинные, а в особенности драгоценные камни. С проникновением в эллинистический мир египетских и вавилонских верований в магические и лечебные свойства камней именно эти мнимые характеристики выходят на первый план в греческих и римских лапидариях. Интенсивно развивавшиеся в XX в. исследования античной алхимии, магии и астрологии помогают нам поставить это изменение в общий контекст упадка рационализма в естественных науках этого периода¹². Так утверждаются неотъемлемые жанровые черты лапидариев: это сочинения либо анонимные, либо опирающиеся на древний, но никак не на научный в подлинном смысле слова, авторитет (ср., например, поэму о камнях, приписывавшуюся Орфею¹³); с точки зрения содержания они неизменно представляют собой компиляции, а не продукт самостоятельной мысли и исследования; наконец, одни и те же сведения переходят, смешиваясь с другими, из одного лапидария в другой на протяжении столетий. Хронологически можно выделить несколько видов античных лапидариев, хотя появление нового вида отнюдь не

¹⁰ См. *Ullmann M. s.v. Xenokrates, Auctor eines Buches über Steine // RE Suppl. XIV (1974). Sp. 974–977.*

¹¹ Подробно о магической литературе эллинистической эпохи см. в кн.: *Bidez J., Cumont F. Les mages hellénisés. T. I–II. P., 1938.*

¹² Блестящая характеристика интеллектуального климата эпохи дана была о. А.-Ж. Фестюжьером, см. *Festugière A.J. La révélation d'Hermès Trismégiste. T. I. L'astrologie et les sciences occultes. P., 1950².*

¹³ Эта поэма и другие сочинения той же традиции изданы в кн.: *Hakkeux R., Schamp J. Les lapidaires grecs: Lapidaire Orphique, Kérygmes lapidaires d'Orphée, Socrate et Denys, Lapidaire nautique, Damigéron-Évax. P., 1985.*

означало исчезновение старого. Во-первых, это лапидарии чисто магической направленности, к которым относятся утерянные псевдэпиграфы Зороастра¹⁴, Мага и пр. Почти одновременно во множестве появились астрологические лапидарии, цитаты и ссылки на которые мы встречаем во всех крупных прозаических астрологических трактатах – у Веттия Валента, Гефестиона и различных авторов *Catalogi codicum astrologicoarum graecorum*; позднюю переработку такого трактата представляют собой герметические книги «Киранид»¹⁵. Наконец, потребовали своей доли в лапидарной литературе и сочинения, вдохновленные иудейской религиозностью. Содержащийся в книге «Исхода» (Исх 29:17–21, ср. 39:10–14) рассказ о 12 камнях, украшавших одеяние еврейского первосвященника, вызвал интерес уже у Филона Александрийского, символически связавшего каждый камень с одним из знаков Зодиака (*De vita Mosis*. II. 124–128); со временем к истолкованию этого места обратились и некоторые отцы Церкви¹⁶.

Текст сочинений Теофраста подвергся многочисленным испытаниям уже в античности, разделив непростую судьбу наследия перипатетической школы¹⁷. Поэтому ответственность за хаотическое состояние текста трактата «О камнях» вряд ли всецело лежит на средневековой рукописной традиции. Тем не менее в данном случае качество этой традиции таково, что в результате ее изучения оказывается невозможно получить хоть сколько-нибудь внятную отправную точку для дальнейшей работы. Даже автор последнего по времени издания Д.Э. Эйхгольц (см. ниже), привлечший к исследованию почти полтора десятка рукописей и воспользовавшийся уникальным палеографическим опытом Н. Уильсона¹⁸, вынужден расписаться в собственном бессилии. Несмотря на то что рукописи убедительно выстраиваются в стемму, отдельные ветви которой в основном даже не контаминированы, сама по себе отраженная в них традиция настолько плоха, что скорее можно говорить о систематической передаче ошибок и лакун, нежели текста. Современный издатель, таким образом, оказывается в том же положении, что и его ренессансный предшественник, опирающийся в лучшем случае на три рукописи: *genesis* не дает ожидаемых результатов, и главной и единственной фазой работы с текстом становится *emendatio*, разумеется, на основе не одного только языкового чутья, но и геологических знаний.

¹⁴ Сочинения некоего Зороастра, персидского автора эллинистического времени, были переведены на греческий язык еще в царствование Птолемея Филадельфа (285–246 гг. до н.э.); его компендий «О драгоценных камнях» (*περὶ λίθων τιμίων*, см. *Hesych. s.v. Ζωροάστρου*), несколько позволяют судить сохранные Плинием фрагменты (HN. XXXVII. 133, 150, 157, 159), представляло собой смесь рассказов о магических и мнимых медицинских достоинствах камней.

¹⁵ Первая книга этого собрания, предположительно датированная I в. н.э., перечисляет в алфавитном порядке, для каждой буквы, по одной птице, рыбе, растению и камню, которых объединяются общими магическими и медицинскими свойствами. Этот трактат, как гласит его предисловие, составлен из труда некоего Гарпократиона из Александрии, «адресованного его дочери», и сочинения Кирана (*Κυρανός*), «царя персидского». См. *Kaimakis D. Die Kyraniden*. Meisenheim am Glan, 1976; *Delatte L. Textes latins et vieux français relatifs aux Cyranides*. Liège, 1942. Та же традиция изложения материала по группам, объединенным магической «симпатией», воплощена в приписывавшемся в свое время Плутарху трактате «О реках»: его автор, повествуя о 24 реках, в связи с каждой из них приводит невероятную мифологическую историю и рассказывает о встречающемся в ее окрестностях растении и о камне с магическими свойствами.

¹⁶ Важнейших из памятников данного рода – дошедший до нас лишь в эксерптах комментарий св. Елифания (PG. 43. 293–301, конец IV в.), полное название которого гласит: «Книга о 12 камнях на ризах Аарона» (*Περὶ τῶν ἱβ' λίθων τῶν ὄντων ἐν τοῖς στολισμοῖς τοῦ Ἀαρῶν*). Подробнее об отношении этого памятника к трактату Теофраста см. *Rossius A.A. Эксерпты анонимного лапидария в cod. Marc. gr. Z 308 и античная традиция трактатов о камнях // Балканские чтения – 4: ELLAS / Под ред. Т.В. Цивьян. М., 1997. С. 22–23.*

¹⁷ *Regenbogen. Theophrastos*. Sp. 1367–1379.

¹⁸ В частности, Уильсон указал, что текст трактата *De lapidibus* содержится в восьми из рукописей, использованных Ф.Г. Фобсом в известном оксфордском издании Теофрастовой «Метафизики» (*Theophrastus. Metaphysics / Ed. W.D. Ross, F.H. Fobes. Oxf., 1929*). Эти рукописи были сверены Эйхгольцем для его издания.

Пожалуй, самая большая заслуга в очищении текста нашего трактата от наслоившихся искажений принадлежит Адриану Турнебу. Первое отдельное издание этого произведения после публикации его Альдом во втором томе сочинений Аристотеля (editio princeps 1497 г.) вышло в Париже в 1577 г.¹⁹, и хотя издатель книги Морель не упоминает имени Турнеба, автором напечатанного им же в следующем году латинского перевода²⁰ уже прямо назван знаменитый парижский гуманист. Этот перевод не оставляет сомнений в том, что редакция греческого текста 1577 г. принадлежит тому же ученому, хотя в переводе имеются и новшества, в прежнем издании еще не учтенные. Впрочем, работа над подготовкой обеих книг должна была быть выполнена намного раньше, так как Турнеб умер в 1565 г. Прогресс, достигнутый в течение следующих четырех веков, был незначительным. Отдельные удачные исправления предложены были в изданиях Д. Фурлана²¹ и Й. де Лата²² (работа последнего ценна главным образом тем, что в ней учитываются исправления Салмазия, вдвинутые им для Теофраста в его «Упражнениях над "Естественной историей" Плиния»²³). Остающиеся авторитетными и по сей день для корпуса сочинений Теофраста в целом издания Й.Г. Шнейдера²⁴ и Ф. Виммера²⁵ дают нечто новое и ценное для трактата «О камнях» лишь эпизодически. В 1956 г. совместную работу опубликовали филолог Дж. Ричардс и минералог Э. Кейли²⁶; хотя рукописная база их издания не расширилась по сравнению с Шнейдером и Виммером, группа трех важнейших рукописей была ими изучена несравнимо более тщательно, а геологические познания одного из авторов помогли понять некоторые места в тексте, прежде считавшиеся искажениями. Однако только книге Д. Эйхгольца, появившейся через четыре века после смерти Турнеба, удалось совершить столь же решительный шаг вперед на пути к реконструкции текста нашего трактата и минералогического учения Теофраста²⁷. Подобно изданию Кейли-Ричардса, эта работа задумывалась как совместный труд филолога и историка философии Эйхгольца с палеонтологом и минералогом С. Смитом, преждевременно скончавшимся. Из-за этого печального обстоятельства собственно минералогическая часть замысла осталась незавершенной, однако во всем, что касается установления греческого текста и его интерпретации, понимания минералогической теории Теофраста в контексте его философии, издание Эйхгольца следует признать поистине замечательным.

Когда пятнадцать лет назад я впервые взялся за перевод трактата «О камнях», другого русского текста не существовало. Слустя некоторое время мне стало известно, что свой перевод сделала Е.В. Приходько, однако, как кажется, он так и не был опубликован. Совсем недавно в продаже появилась книга: *Теофраст. О камнях: Первый полный перевод на русский язык древнегреческого трактата с комментариями к нему / Пер. с англ. Куликова Б.Ф.; сост. Бобылев В.В. М., Издательский Дом МСП, 2004 г., 256 стр.* При ближайшем знакомстве обнаружилось, что этот труд представляет собой в высшей степени оригинальную затею – перевод перевода и комментария из описанного выше издания Кейли-Ричардса. Авторы, взявшиеся за столь опасное предприятие, наивно полагают, что это издание и сопровождающий его английский перевод – последние по времени (неоднократно, например, с. 6, 188), и строят свой труд на весьма

¹⁹ Theophrasti Lib. De Lapidibus, ex officina Federici Morelli. Lutetiae, 1577.

²⁰ Theophrasti De Lapidibus Liber, ab Adriano Turnebo Latinitati donatus, ex officina Federici Morelli. Lutetiae, 1578.

²¹ Theophrasti Eresii... / Ed. D. Furlanus. Hanoviae, 1605.

²² Theophrasti Liber De Lapidibus / Ed. J. de Laet. Lugduni Batavorum, 1647.

²³ Plinianae Exercitationes. Parisiis, 1629.

²⁴ Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Ed. J.G. Schneider. Vol. I-IV. Lipsiae, 1818; Vol. V. Lipsiae, 1821 (текст в I томе, латинский перевод Турнеба во II томе, комментарий в IV томе, дополнения к комментарию в V томе).

²⁵ Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Rec. F. Wimmer. Firmin Didot. Parisiis, 1866.

²⁶ Theophrastus. On Stones / Introduction, Greek Text, English Translation and Commentary by E.R. Caley, J.F.C. Richards. Columbus, 1956.

²⁷ Theophrastus. De Lapidibus / Edited with Introduction, Translation and Commentary by D.E. Eichholz. Oxf., 1965.

шатком основании слегка поправленного текста редакции Шнейдера. Не удовлетворяясь тем, что перевод самого трактата выполнен Б.Ф. Куликовым с английского, они привлекают к своей работе «филолога Е.С. Лазарева, который выверил и откорректировал русский перевод трактата по греческому тексту ватиканских кодексов» (с. 7). Судя по добавленным им примечаниям, филолог не до конца понял верные интерпретации, заимствованные его предшественником из английского варианта (например, на с. 60 о свинцовых белилах и медной яри); изобретенный им на с. 62 $\acute{\iota}\psi\omega\varsigma$ объясняется, очевидно, плохо пропечатанным словом в § 61 греческого текста, воспроизведенного на с. 10–21 (хотя то же слово в § 64 дважды читается без ошибок). Впрочем, и в этой книге есть свои достоинства – сохранение в переводе минералогических идентификаций Кейли-Ричардса (хотя и подпорченных калькированием английских транслитераций греческих слов) и минералогического же характера дополнения самих авторов на с. 188–208. Все это, однако, скорее говорит о том, что потребность в грамотном переводе трактата Теофраста на русский язык не стала менее насущной. Поэтому я решил отдать в печать мой собственный перевод, заново сверенный с оригиналом и откомментированный.

Окончательный вариант перевода сделан по изданию Эйхгольца; ввиду очевидных достоинств последнего мера оригинальности моего труда очень невелика. Хотя первоначальная его версия была выполнена по изданиям Шнейдера и Виммера и хотя в дальнейшем я также старался реконструировать смысл, вложенный в каждую фразу Теофрастом, самостоятельно, опираясь прежде всего на сохранившиеся античные свидетельства и на исправления, предложенные Турнебом, Салмазием и другими старыми филологами, и только потом сверять результат с интерпретациями Эйхгольца, в конечном итоге я счел необходимым отстаивать свою, отличную от его точку зрения лишь в немногих случаях. Примечания, которыми я снабдил перевод, могут показаться излишне подробными как раз в части разбора текстологических вариантов и принимаемых или отвергаемых исправлений, однако иначе невозможно было бы дать читателю представление о том, до какой степени имеющийся у нас памятник восстановлен усилиями многих поколений филологов и ученых, выбор которых во многих случаях определялся не столько грамматической, сколько содержательной интерпретацией. При этом в комментариях, разумеется, анализируются только те контексты, которые безусловно требуют от издателя и переводчика осознанного решения; все те случаи, когда Эйхгольц, вслед за другими издателями, выбирает очевидный вариант или исправляет банальную ошибку в рукописях (как, например, $\acute{\alpha}\rho\rho\epsilon\nu\iota\kappa\omicron\upsilon$ вместо $\acute{\epsilon}\rho\rho\epsilon\nu\iota\kappa\omicron\upsilon$ в § 51 или $\delta\omicron\iota\delta\upsilon\kappa\iota$ вместо рукописного $\delta\upsilon\delta\upsilon\kappa\iota$ в § 60), оставлены без внимания. Кроме того, особое место было уделено разъяснению ходов теоретической мысли автора, в большинстве случаев крайне скупно выраженных в трактате: без должной их оценки текст остается непонятен. Учитывая специальный характер журнала, в котором публикуется настоящий перевод, реалии, отождествление которых не вызывает серьезных сомнений (например, что упоминаемый в § 24 храм Зевса – это храм Амона в Карнаке, или что Геракл в § 25 – это финикийский Мелькарт), в примечаниях не объяснялись.

Для облегчения ориентации читателя в Теофрастовой номенклатуре минералов ниже приводится попытка свести воедино (в алфавитном порядке греческого языка) все упоминаемые в трактате названия. В идентификации камней и земель я большей частью следую изданиям Эйхгольца и иногда Кейли-Ричардса; полезными в этой работе для меня оказались две книги отечественных авторов: *Ферман А.Е.* Цвета минералов. М.-Л., 1935; *Яковлев А.А.* Минералогия для всех. М.-Л., 1947.

КАМНИ

Греческое название	Название в переводе	Предположительная идентификация	Контекст
ἀδάμας	адамант	твердый камень (вряд ли алмаз)	19
αἱματίης	кровавик	гематит либо красная яшма	37
ἀκόνη	оселок	наждак	44
ἀλαβαστρίτης	алебастрит	ониксовый мрамор, восточный алебастр	6, 65
τὸ ἀμέθυσον	аметист	аметист	30
ἀνθράκιον	антракий из Орломена	темный мрамор ?	30, 33
ἄνθραξ	гранат (8), уголь	гранат	8, 18
ἀχάτης	агат	агат	31
ὁμοία τὴν χροῖαν τοῖς ἄνθραξι	цветом подобный углям	пирролюзит ?	39
ἡ βασανίζουσα τὸν χρυσοῦν	пробирный камень	черный кремнистый слат	45, срв. 4
οἱ περὶ Βίνας λίθοι	камни из руды вблизи г. Бины	лигнит, срв. ниже σπίνος	12
διάβροχος λίθος	изъеденный камень	разновидность пемзы ?	20
ἐλέφας ὁ ὀρυκτός	ископаемый бивень	ископаемая слоновая кость	37
ἤλεκτρον	янтарь	янтарь	16, 28, 29
Ἡρακλεία λίθος	гераклейский камень	магнитный железняк	4, 29
Θηβαϊκὸς λίθος	фиванский камень	мрамор	6
ἴασις	яшма	зеленый хальцедон (27); бирюза (35)	23, 27, 35
Ἰνδικὸς κάλαμος ἀπολελιθωμένος	окаменевший индийский бамбук	вид коралла (так называемый «органчик») ?	38
κίσσηρις	пемза	вспененное вулканическое стекло	14, 19–22
Κορινθίος λίθος	коринфский камень	серпентин ?	33
κουράλιον	коралл	красный коралл	38
κρύσταλλος	хрусталь	горный хрусталь	30
λιγούριον	лингурий	желтый и коричневый турмалин	28, 31
Λιπαράιος λίθος	липарский камень	вулканическое стекло	14
Λυδη λίθος	лидийский камень	пробирный камень, см. выше	4, срв. 45 сл.
μαγνήτης λίθος	магнесийский камень	слоистый тальк	41
μαργαρίτης	жемчуг	жемчуг	36
μάρμαρος	мрамор	известняк, кристаллический известняк (мрамор); кристаллы гипса (69)	9, 69
μέλας διαφανής λίθος	черный прозрачный камень	базальт ?	7
ὁ ἐν Μήλῳ λίθος	мелосский камень	обсидиан ?	14
ὁ περὶ Μίλητον	камень из окрестностей Милета	гранат из месторождения Алабанда к востоку от Милета	19
μυλίας	мельничный камень	кислая магматическая порода ?	9, 22
Ξανθὴ λίθος	желтый камень	желтая яшма либо лимонит (коричневый гематит)	37
ὄμφαξ	омфакс	хризопраз (вид хальцедона) ?	30
τὸ ὀνύχιον	оникс	оникс	31

КАМНИ

Греческое название	Название в переводе	Предположительная идентификация	Контекст
Πάριος λίθος	паросский камень	мрамор	6
Πεντελικός λίθος	пентелийский камень	мрамор	6
πόρος Αἰγύπτου	египетский пор	разновидность известняка	7
πόρος	пор	разновидность известняка	7
πρασίτις	прасит	скрытокристаллическая разновидность кварца	37
πυρόμαχος	огнеупорный камень	огнестойкая кремнистая порода ?	9
σάπφειρος	сапфир	ляпис-лазурь	8, 23, 37
σάρδιον	сердолик	сардоникс (мужской); корнелиан (женский)	8, 23, 30
ὁ ἐν Σίφνῳ λίθος	сифносский камень	стеатит (разновидность талька) ?	42
ἐν τοῖς ἐν Σκαπτῇ Ἵλῃ	камень в рудниках Схптегилы	асбестиморфный минерал палигорскит ?	17
σμάραγδος	смарагд	зеленый базальт; асуанский гранит (24); зеленый кварц (27) ?; бирюза (35) ?	4, 8, 23, 24, 26, 27, 35
σπίνος	спин	лигнит, срв. ниже ἄνθρακες	13
οἱ τίκτοντες	камни, способные рожать	лимонит с сердечником ?	5, 8
Τροισήνιος λίθος	трезенский камень	серпентин ?	33
ἡ ὑαλοειδής	стеклоподобный камень	оливин (перидот) ?	30
χερνίτης	хернит	ониксовый мрамор ?	6
Χίος λίθος	хиосский камень	темный мрамор ?	6, 7, 33

ЗЕМЛИ

[ἀμπελίτις γῆ]	[садовый вар]	твердый асфальт	49
ἄνθρακες	уголь	лигнит ?	16
ἄρρενικόν	желтая мышьяковая обманка	аурипигмент	40
ἶος	медная ярь	базовый ацетат меди	57
[Καδμεία γῆ]	[кадмейская земля, кадмия]	каламин, водный силикат цинка	49
Κιμωλία γῆ	кимолосская земля	сукновальная глина	62
κύανος	азурит	азурит, синий карбонат меди; кристаллы (31) и россыпь	31, 37, 39, 55: натуральный (массивный азурит) и искусственный (египетский фрит)
Μηλιάς γῆ	мелосская земля	каолин	62, 63
Σαμία γῆ	самосская земля	плотный белый каолин	62, 63
σανδαράκη	сандарак	оранжевая мышьяковая обманка, реальгар	40 (50), 51
Τυμφαϊκή γῆ	тимфейская земля, гипс	гипс, водная серноокислая соль кальция	62, 64
ὕελιτις γῆ	стеклянная земля	гиллита	49
χρυσόκολλα	хризоколла	водосодержащий силикат меди; малахит, зеленый карбонат меди (39)	26, 39, 40, 51
ψιμίθειον	свинцовые белила	свинцовые белила	55, 56

ТЕОФРАСТ О КАМНЯХ

1. Среди пород, образующихся в недрах земли, одни состоят из воды, другие – из земли¹. Из воды состоят руды металлов, такие как серебро, золото и другие, а из земли – камень, в том числе и необычные его виды, а также любые особенные породы самой земли, отличающиеся цветом, гладкостью, плотностью или иными свойствами². Металлы рассмотрены нами в других книгах³; теперь мы скажем об образованиях земли.

2. Надо полагать, что все они, говоря в общих чертах, образуются из некоего чистого и однородного вещества, которое возникает либо путем истечения⁴ и отцеживания, либо, как уже сказано было выше⁵, посредством какого-либо иного способа отделения⁶. И в самом деле, легко допустить, что одни породы возникают одним путем, другие – другим, а третьи – совсем иным. Отсюда у них и такие качества, как гладкость, плотность, блеск, прозрачность и тому подобное; и чем более однородно и чисто в каждой из них исходное вещество, тем в большей степени будут в них присутствовать эти свойства, поскольку вообще от того, насколько приближается к совершенству подверженное сгущению или затвердению вещество, зависят все определяемые этим веществом качества.

3. Затвердевание происходит в одних случаях под действием жара, в других – из-за холода: ничто, пожалуй, не препятствует тому, чтобы отдельные виды камней образовывались под воздействием того или другого, тогда как земли любых видов образуются, по всей видимости, под воздействием огня⁷, ибо затвердение и распад в каждом случае принадлежат к противоположным породам. Что же касается особых свойств, то их больше у камней. Дело в том, что большинство различий⁸, присущих землям, касаются цвета, клейкости, гладкости, плотности и тому подобного, различия же по другим признакам редки.

4. А камням свойственны как эти различия, так и, помимо них, различия по способности воздействовать и поддаваться или не поддаваться воздействию: одни из них расплавляются, другие не расплавляются; одни горят, другие нет; то же и с прочими подоб-

¹ О минералогической теории, лежащей в основе исследования Теофраста, см. Введение.

² Теофраст употребляет здесь слово *δύναμις* в весьма общем значении «свойства», «качества», тогда как в целом понятийный аппарат трактата «О камнях» исходит из противопоставления отличительных свойств более общего порядка (*διὰφοραί*), свойствам более частным и в первую очередь связанным со способностью минерала воздействовать на другие вещества или поддаваться воздействию с их стороны (*δυνάμεις*); см. ниже § 4 и 48.

³ В списке трудов Теофраста у Диогена Лаэртца имеется заголовок *περὶ μετὰλλων* (V. 44. 19).

⁴ Перевод основан на варианте *σὺρροῖς*, который Шнейдер предложил во исправление рукописного *ροῖς*. Согласно Теофрасту, «истечение» (*σὺρροῖς*) и «отцеживание» (*διήθησις*) представляют собой два фундаментальных процесса образования минералов с участием воды, из которых первый отвечает за образование массивных отложений, а второй – жильных месторождений. Ср. также упоминание об этом во вводном рассуждении о землях (§ 50).

⁵ «Выше» в существующем тексте, разумеется, об этом не говорится ничего; с другой стороны, характер только что прозвучавшего упоминания об утраченном для нас трактате «О мегаллах», кажется, исключает возможность понимания его как единого сочинения с книгой «О камнях». Все это, наряду с чрезвычайной краткостью и невнятностью теоретической части, заставляет сомневаться в литературной законченности дошедшего до нас текста. Подробнее см. Введение.

⁶ Т.е. от окружающей массы пород.

⁷ Ввиду того, что «распад» (*τῆξις*) земель происходит под воздействием воды, представляющей собой холодный элемент, началом, обеспечивающим их затвердевание (*πῆξις*) должен быть огонь, так как эти процессы «принадлежат к противоположным (*ἐν τοῖς ἐναντίοις*) <подр. родам>». Согласно требованию перипатетических дефиниций, «все противоположности с необходимостью относятся или к одному и тому же роду, или к противоположным родам (*ἐν τοῖς ἐναντίοις ἕνεσσι*), или сами они суть роды» (*Arist. Cat.* 14a19–20). Такая абстрактная схема побуждает Теофраста вообще преувеличивать «огненные» свойства в землях. Ср. в конце § 68–69.

⁸ Перевод следует варианту Турнеба *αἱ πολλὰὶ διαφοραί*, исправившего абсурдный рукописный текст *αἱ ἴσασθαι διαφοραί* («различные дыхания»).

ными свойствами. Кроме того, в самом течении сторания и обжига они имеют много различий. Некоторые из камней – например, смарагд, – могут, как считается⁹, уподоблять себе по цвету воду; другие – превращать в камень все, что оказалось в них включено¹⁰; третьи обладают некоей силой притяжения, а четвертые – способностью проверять золото и серебро: это так называемый гераклейский камень¹¹ и камень лидийский.

5. Особенно заслуживает удивления великая сила тех камней, которые – если только это правда – обладают способностью рожать¹²; но более известно и среди большего числа камней наблюдается свойство, делающее их пригодными к ремеслам: в самом деле, некоторые из них подходят для высекания, другие – для токарной обработки, третьи – для пиления; есть и такие, что их вовсе не берет железо, или же только насилу и с трудом. Есть между ними и другие различия по ремеслам.

6. Итак, отличительные свойства, касающиеся цвета, жесткости, мягкости, гладкости и прочего в том же роде, благодаря которым и появляется особое качество, могут присутствовать во множестве камней сразу, а в иных случаях и в целых месторождениях. Среди последних славятся каменоломни паросского камня, пентелийского, хиосского и фиванского; то же можно сказать и об алебастрите, который есть в Фивах египетских: его тоже вырезают большими кусками, – и о так называемом херните, похожем на слоновую кость: в сделанном из него гробе¹³, говорят, поконится Дарий.

7. Есть также камень пор, цветом и плотностью подобный паросскому камню, при этом из свойств настоящего пора обладающий лишь легкостью: вот почему египтяне выкладывают из него пояса¹⁴ на парадных зданиях. Там же имеется черный камень, прозрачный наподобие хиосского, а в других местах – многие другие камни. Словом, как уже говорилось выше, отличительные свойства такого рода, бывают общими для множества камней, в то время как упомянутые различия в присущих камню силах¹⁵ не распространяются ни на месторождения целиком¹⁶, ни на сплошные объемы камня, ни на особо крупные отдельные камни.

⁹ Перевод исходит из текста Турнеба ἐξομοιοῦν φαίνονται δυνάμενοι (при рукописном ἐξομοιοῦνται δυνάμενοι); он лучше соответствует греческому узусу, чем вариант Эйхгольца ἐξομοιοῦσθαι δύνανται.

¹⁰ Речь об окаменелостях еще раз заходит ниже в § 38. Вере в описываемое свойство камня способствовало изготовление саркофагов из известняка; о саркофагах и камне для их изготовления Теофраст упоминает в трактате «Об огне», § 46. Ср. о саркофагах у Плиния (NH. XXXVI. 131. 2–5): «Установлено, что мертвые тела, похороненные в этом камне, истлевают, исклячая лишь зубы, за 40 дней. По сообщению Муциана, зеркала, скребки, одежды и башмаки, похороненные с усопшим, также превращаются в камень».

¹¹ Ср. Plat. Ion. 533d: «камень, который Еврипид назвал магнесийским, а большинство зовут гераклейским», т.е. магнитный железняк; силой притяжения Теофраст наделяет также лингурий и янтарь, упоминаемые в § 28–29. Лидийский камень – пробирный, свойства разновидностей которого излагаются в § 45–47.

¹² Согласно Эйхгольцу, Теофраст описывает узлы лимонита с отдельным сердечником, считавшиеся беременными. По-другому интерпретирует свойства таких камней Плиний (NH. XXXVI. 149. 2–8): «Этот камень <азтит> находят в гнездах орлов... Рассказывают, что их обнаруживают всегда по два, мужской камень и женский, и без них, как сообщают, описанные нами виды орлов не могут размножаться; именно поэтому у них бывает только по два птенца. Камней этих четыре вида: тот, что происходит из Африки, мягок и невелик, а внутри, в своем, так сказать, животе, содержит сладкую белую глинистую землю. Будучи рыл, он считается камнем женского пола и т.д.»

¹³ Салмазий исправляет бессмысливающее текст рукописное искажение λέλλω на исконное πυέλω.

¹⁴ Так интерпретирует выражение Теофраста διὰζῶσα τιθέασθαι в своем латинском переводе 1578 г. Турнеб (cingulis distinguunt). Очевидно, он объясняет это место с помощью пассажи из Афиня (V. 39. 43 Kaibel): «<египтяне> украшают стены белыми и черными тягами, а иногда и карнизами из камня, именуемого алабастритом». Эйхголец идентифицирует черный и белый камень соответственно как темный сиенский гранит и белый известняк (т.е. Теофрастов пор).

¹⁵ Т.е. способность притягивать и т.п. (в данном случае Теофраст употребляет слово δυνάμεις), в противоположность отличительным свойствам более общего порядка (цвет, плотность и проч.).

¹⁶ Контекст говорит в пользу верности конъектуры Шнейдера τόλοις βλοίς, исправившего рукописное τοῖς βλοίς.

8. Некоторые из таких камней¹⁷ и вовсе редки и малы, как, например, смарагд, сердолик, рубин, сапфир и почти все прочие, из которых вырезают печати. А есть такие камни, которые находят внутри других при их разбивании. Немногочисленны и камни, особенности которых связаны с обжигом и горением: пожалуй, следует начать с перечисления и описания их отличительных свойств.

II. 9. Под воздействием огня некоторые камни расплавляются и текут, как, например, те, что добываются в рудниках: в самом деле, вместе с серебром, медью и железом начинает течь и происходящий от них камень¹⁸ – то ли из-за находящейся в составляющих его частях влаги, то ли под воздействием металлов. Точно так же текут огнеупорные и мельничные камни вместе с теми веществами, которые подкладывают к ним обжигалы. Кое-кто и вовсе говорит, что плавятся все камни за исключением мрамора, который перегорает, так что в конце концов получается известь.

10. Но такие утверждения очевидно слишком смелы: ведь многие камни, как бы сопротивляясь¹⁹ огню, трескаются и разлетаются в стороны сильнее, чем даже глиняные черепки²⁰. Так и должно быть с камнями, утратившими влагу, ибо все, что может быть расплавлено, с необходимостью должно быть влажным и содержать как можно больше влаги.

11. Рассказывают также, что под воздействием солнца некоторые камни совершенно высыхают и становятся бесполезны, пока их снова не намочат и не увлажняют; другие, напротив, становятся более мягкими и хрупкими. Очевидно, что и у тех, и у других солнце отнимает влагу, но плотные камни при этом затвердевают, а те, что обладают разреженным строением, становятся хрупкими и рыхлыми²¹.

12. Некоторые из хрупких камней при сжигании уподобляются углям и так пылают длительное время – например, камни в руде, которую находят вблизи города Бины в породе, приносимой течением реки: они горят, когда к ним прикладывают угли, и горят до тех пор, пока кто-нибудь поддувает; в противном же случае они угасают, но могут быть зажжены вновь. Использовать их поэтому можно длительное время, однако запах их весьма тяжел и неприятен.

13. Камень, который именуется спином и который раньше находили в этом²² руднике, будучи расколот и сложен столбцом, под воздействием солнца начинает гореть, и тем сильнее, если его еще кропят и смачивать водой.

14. Липарский камень при горении исходит дырами и становится похож на пемзу, изменяя одновременно и цвет, плотность, ибо прежде чем отведать огня, такой камень был черным, гладким и плотным. Образуется он в пемзе, нечасто разбросанный там и сям словно по сотам²³, а не собранный в большие объемы; и точно так же, говорят, на Мелосе в некоем другом камне образуется пемза: можно сказать, что этот камень словно меняется местами²⁴ с липарским, за тем исключением, что мелосский камень на камень липарский непохож.

¹⁷ Т.е. камней, наделенных особыми исключительными «силами», о которых говорилось двумя параграфами выше.

¹⁸ Т.е. шлак.

¹⁹ Переводимый текст основан на исправлении Шнейдера *ἀπομαχόμενοι*. Рукописный вариант *ὀμαχόμενοι* противоречит контексту.

²⁰ Согласно Аристотелю (*Meteor.* 384b19-22), изделия из глины не плавятся, так как глина состоит «только из земли, потому что затвердевает она мало-помалу при высушивании; вода не может проникнуть в нее через поры, <размера> которых хватило, лишь чтобы дать выйти испарению; огонь не может растопить ее, ибо он и вызвал затвердевание».

²¹ Эйхгольц с полным основанием исправляет рукописное чтение *τηκτοῦς*, что означало бы «плавкие», на *κατὰκτοῦς*, «хрупкие», так как первое противоречило бы теории, излагающейся непосредственно перед тем в § 10: потеря влаги не может приводить к плавкости породы, если главным условием наличия этого свойства признается присутствие влаги.

²² Если следовать в этом месте рукописному чтению *τοιοῦτος*, получается невнятный рассказ о камне, который «находили в рудниках»; при этом переход к прошедшему времени оказывается никак не мотивирован. Перевод основан на исправлении Эйхгольца *τοῦτος, οὗτος*.

²³ В переводе принимается вариант *κωτταρεῖα*, который предложил в издании 1605 г. Furlanus; рукописи содержат чтение, из которого Эйхгольц реконструирует *κωτταρεῖα*, «горшочками».

²⁴ Теофраст пользуется математической метафорой: *τοῦτο φασκε ἄντιπλεονθῆς* буквально означает, что мелосский камень «словно бы обратно пропорционален» липарскому.

15. Исходит дырами и камень, встречающийся в сицилийской Тетраде, в месте, расположенном напротив Липары; камень же, в изобилии обжигаемый на мысе, именуемом Эринеедой, наподобие того, что делают с камнем из Бин²⁵, источает запах асфальта, причем остатки от его горения оказываются похожи на пережженную землю.

16. Камни, из числа выкапываемых ради употребления, которые называются просто «углем», представляют собой земельную породу, но зажигаются и горят они точно как угли. Эти камни есть в Лигурии, где имеется и янтарь, и в Элиде, в тех местах, где горной тропой люди идут в Олимпию; там их используют кузнецы.

17. В рудниках Скаптегилы²⁶ был некогда найден камень, видом весьма напоминающий гнилое дерево; если налить на него масла, он горел вместе с ним, но стоило стогреть маслу, тотчас погасал и он, оставаясь при этом вовсе нетронутым огнем. Таковы, в общих чертах, отличительные свойства камней, подверженных огню.

III. 18. Есть другой вид камней, тоже именуемый «углем»²⁷, но словно возникший из вещества с противоположной природой и совершенно не поддающийся огню. Из этого камня вырезают печати: он красного цвета и, будучи положен на солнце, светится как пылающий уголь. Из всех камней это, пожалуй, самый ценный: даже крошечный камушек стоит не менее сорока золотых²⁸. Ввозится он из Карфагена и Массилии.

19. Не горит и камень из окрестностей Милета: он угловат, а встречаются и шестиугольные образцы. Его тоже называют углем, и вот что удивительно: судя по всему – и примерно так же дело обстоит со свойствами алманта, – причина его несгораемости отнюдь не в том, что в нем будто бы вовсе нет влаги, как в пемзе или в пепле²⁹. Эти последние не горят и не поддаются огню действительно из-за того, что из них уже изгята вся влага; более того, некоторые полагают, что пемза вообще возникает при сторании, за исключением того вида, который образуется из морской пены.

20. Доказательства они черпают из наблюдений над пемзой, появляющейся вокруг жерл вулканов, а также над так называемым изъеденным камнем, который, воспламеняясь, превращается в пемзу. Об этом же, похоже, свидетельствуют и сами месторождения: где горит земля³⁰, там и пемза.

21. Впрочем, возможно, что один из видов ее образуется так, другие по-иному, и что существует много способов их возникновения. Например, пемза, встречающаяся на Нисиресе, выглядит так, словно она сложена из какого-то песка. Свидетельством в

²⁵ Бессмысленный рукописный текст τὰς κίνας исправлен Турнебом на τὰς ἐν Βίνας на основании § 12.

²⁶ Рукописная традиция сохранила вариант ἐυκαπτή ὕλη, который ранние издатели дополнили до ἐν τῷ Σκαπτήσῳ ὕλῃ. Однако, как показывает Эйхгольц, родительный падеж единственного числа не употребляется в топонимах, характеризующих рудники и копи; его исправление ἐν τοῖς ἐν Σκαπτῇ ὕλῃ принимается в переводе. Само название «Скаптесила» засвидетельствовано крайне слабо, в то время как альтернативный вариант (который буквально можно перевести как «Копальщический лес») хорошо известен и означает место, расположенное на границе Фракии и Македонии.

²⁷ Одна из ветвей рукописной традиции дает вариант ὕψος... ὄνθραξ καλοῦμενον, и этим пользуется часть издателей, однако это несомненный случай тривиализации; предпочтительнее более трудное чтение καλοῦμενος, которое объяснимо как аттракция определения, зависящего от аппозитивного существительного. Предлагаемый перевод сохраняет буквальное значение слова ὄνθραξ (часто передаваемого с помощью латинизированной формы «карбункул»), так как в противном случае остается непонятным рассуждение Теофраста о противоположной природе. Этим названием может обозначаться как рубин (несгораемый – ср. *Arist. Meteor.* 387b17–18), так и красный гранат (подверженный действию огня).

²⁸ Подразумевается: статеров.

²⁹ Подробнее о механизмах горючести и огнестойкости рассуждает Аристотель (*Meteor.* 387a12): «Тела бывают горючими, если их поры пропускают огонь, а влага, содержащаяся в их продольных порах, слабее огня. Тела, в которых влаги нет вообще либо, как в случае со льдом или сырым деревом, влага сильнее огня, несгораемы». Причиной несгораемости алманта и карбункула у Теофраста, по всей видимости, служит то, что поры этих камней не пропускают огонь.

³⁰ Лакуву в рукописях убедительно восполняет предположение Шнейдера: ἐν τοῖς <καλοῦ-ένοισ> [ср. τῶν τῶλων]. Речь идет о местностях с выраженной вулканической активностью.

пользу этой точки зрения служит то, что некоторые куски, будучи найдены, буквально рассыпаются в прах в руках нашедшего, потому что камень еще не устоялся и ничем не скреплен. Если снять верхний слой земли, встречаются и цельные куски – размером такие, что можно их взять рукою, или чуть покрупнее, – которые состоят из множества слипшихся мелких камней. Весьма легок и сам песок. В то же время вся пемза, которая есть на Мелосе, прочна³¹, а некоторые ее виды, как уже говорилось ранее, образуются внутри других пород.

22. Все эти разновидности отличаются одна от другой цветом, плотностью и весом. Если говорить о цвете, то пемза из лавового потока на Сицилии³², к примеру, черная; плотностью же и весом она весьма подобна мельничному камню. В самом деле, пемза может выступать и в такой разновидности – тяжелой, плотной и в употреблении более ценной, чем другие. Так и пемза из лавового потока обладает лучшими трущими³³ свойствами, нежели легкая и белая; но замечательнее всего в этом отношении пемза, возникающая прямо из моря³⁴. Но довольно о пемзе: о ней сказано достаточно. Что же касается камней, поддающихся или не поддающихся действию огня, от исследования которых мы отвлеклись ради настоящего рассуждения, причины этой их способности нам придется рассмотреть в другом месте.

IV. 23. Есть и другие камни с необычными³⁵ свойствами: из них вырезают печати. Некоторые из таких камней примечательны только своим видом, как, например, сердолик, яшма, сапфир – этот последний камень словно обрызган золотом³⁶. Однако смарагд обладает и некоторыми особыми способностями: как мы уже говорили, он уподобляет себе по цвету воду – средний камень умеренный ее объем, очень большой – весь сосуд, а маленький – только воду вокруг себя.

24. Хорош смарагд и для глаз: для того и носят печати из него, чтобы глядеть на них. Он редок и размером, как правило, невелик, если только не верить записям о деяниях египетских царей: кое-кто ведь утверждает, что некогда им в числе даров от царя вавилонского был привезен смарагд длиной четыре локтя, а шириною три. Также якобы в святилище Зевса хранятся четыре смарагдовых обелиска, высотой сорок локтей каждый, шириною же с одного конца четыре локтя, а с другого – два. Так обстоит дело согласно этим записям.

25. Из тех камней, что большинство людей зовет лаконским³⁷ смарагдом, самый большой находится в Тире: там в храме Геракла стоит сработанный из него огромный столб (если только это не ложный смарагд – есть ведь и такая порода). Залежи этих камней встречаются и в доступных нам пределах, в местах хорошо известных, в особенности же в двух: в медных коях на Кипре и на острове, лежащем напротив Халке-

³¹ Очевидную лауну в рукописном тексте Эйхгольц восполняет прилагательным βαρεῖα, «тяжелая»; однако тему тяжести как отличительного свойства пемзы Теофраст вводит впервые в § 22. Я предлагаю чтение σκληρά, которое и отражено в переводе.

³² В списке сочинений Теофраста Диоген Лаэртский (V. 49. 21) приводит произведение с таким названием (Περὶ ῥύακος τοῦ ἐν Σικελίᾳ), в одной книге.

³³ Перевод основан на исправлении σμηκτικῆ, предложенном Турнебом в переводе 1578 г.; рукописный вариант τριτικῆ представляет собой тривиализацию, связанную с неточным пониманием значения глагола τέμνω в минералогическом контексте: не «резать», но «ломать» камень, т.е. «добывать в каменоломнях».

³⁴ Т.е. из морской пены. Ср. § 19.

³⁵ Теофраст продолжает перечисление камней с особыми свойствами, начатое в § 9; поэтому для восстановления имеющейся здесь в рукописях лауны следует предпочесть вариант, предложенный Эйхгольцем (ἄλλαι <περιτταῖ>), а не Виммером (ἄλλα <διάφοροι>: «есть и другие различные камни»).

³⁶ За счет золотистых частиц пирита, включенных в кристаллы лазурита, который Теофраст называет здесь сапфиром.

³⁷ Испорченный текст рукописей οὐδὲν исправлен Эйхгольцем на Λακωνίων: перевод следует этому варианту, а не старому Βακτριανών (Furlanus 1605), поскольку о бактрийских смарагдах ничего не известно, в то время как единственное на территории Греции месторождение зеленого порфира у подножия горы Тайгет пользовалось достаточной славой, чтобы дать этому камню эпонимическое название (Λακωνία λίθος).

дона³⁸, где они добываются весьма своеобразным способом. Там эта порода разрабатывается так же, как и все другие, тогда как на Кипре она сосредоточена в нескольких особых жилах.

26. Камни, размер которых достаточен для изготовления печатей, находят редко, но камни меньшей величины попадают во множество³⁹, поэтому их используют даже для пайки золота: для этого они пригодны не менее, чем хризоколла, и кое-кто предполагает в них ту же самую природу – тем более, что они очень похожи на хризоколлу и окраской. Однако хризоколла в изобилии встречается не только в золотых копях, но даже еще чаще в медных, например в тех, что располагаются в этих же местах.

27. А смарагд, как уже упоминалось, редок: вполне вероятно, что он образуется из яшмы: так, рассказывают, что некогда на Кипре был найден камень, половина которого была смарагдовой, а другая – яшмовой, словно превращение из влаги в камень в нем еще не завершилось. Для полного блеска смарагд требует некоторой обработки: в естественном виде он довольно тускл.

V. 28. Подобно смарагду, необычной способностью наделен и лингурий, из которого вырезают печати и который твердостью не уступает камню⁴⁰: подобно янтарию, он обладает силой притягивать к себе, причем, по некоторым сообщениям, не только соломинки и листья⁴¹, но, как утверждал Диокл⁴², также медь и железо, если куски достаточно тонкие. Камень этот весьма прозрачен и холоден, причем лучше тот вид его, что образуется из мочи диких зверей, нежели тот, что происходит от ручных, и тот, что от самцов, нежели тот, что от самок: дело в том, что те и другие различаются сообразно с тем, как они питаются, как упражняют или не упражняют себя и вообще всем строением тела, более сухого у первых, более влажного у вторых⁴³. Опытные искатели выкапывают лингурий из земли, ибо зверь скрытен и всякий раз наскребает землю, как помочится⁴⁴. Этот камень также требует немалой обработки.

29. Также и камень янтарь – в Лигурии ведь янтарь выкапывают из земли⁴⁵ – имеет необычайное свойство: ему также приписывают способность притягивать. Однако в наибольшей степени эта сила очевидна в камне, притягивающем железо. Он тоже редок и встречается лишь в немногих местах; наряду с другими его необходимо причислить к камням, обладающим данной способностью.

³⁸ Рукописное чтение *Καρϋθίδων* было исправлено на *Χαλκιδίων* еще Салмазием, потому что о месторождениях зеленых камней в окрестностях Карфагена античные источники не упоминают ни разу, тогда как медные копи на о. Демонес вблизи Халкедона были прекрасно известны.

³⁹ Это место удачно иллюстрируется характеристикой, которую дает смарагдам халкедонского месторождения Плиний (NH. XXXVII. 72. 3–5), который, правда, помещает его не на острове, а на некоей горе Смарагдит: «...эти камни всегда были самыми мелкими и малоценными. Их отличала хрупкость и невнятный цвет; окраской они похожи были на перья в хвосте павлина или на шее у голубя».

⁴⁰ Твердость лингурия, изготовление из него гемм и, в некотором смысле, ископаемый характер мотивируют включение его в перечень редких камней наряду с истинными камнями, образующимися в почве благодаря различным процессам «отделения» и затвердевания. Ср. ниже о янтаре.

⁴¹ Виммер исправляет рукописное чтение *ξύλου*, «дерево», на *φύλλα*, основываясь на скелетическом изложении этого места у Плиния (NH. XXXVII. 53, 1–3): *nec folia tabtum aut stramenta ad se garere, sed aëris etiam ac ferrī lamnas*.

⁴² Диокл из Кариста, знаменитый врач IV в., Гален (De nat. fac. Vol. III. P. 32 Kühn) относит его, вместе с Гиппократом, Эрасистратом и Праксагором, к числу авторитетнейших знатоков анатомии и физиологии мочевой системы, в том числе мочекаменной болезни.

⁴³ Теофраст рассуждает в рамках общепринятой теории: так, автор приписывавшихся Аристотелю «Проблем» пишет (961а6–7): «...левые части <организмов> более влажные и вообще в большей мере женские».

⁴⁴ Турнеб делает необходимое исправление *οὐρήσῃ*; рукописный вариант *εὐρήσῃ* («найдет») – ошибка, дублирующая значение сказуемого главного предложения.

⁴⁵ Топоним *Λυγούρική* восстановлен Салмазием: ошибка рукописей (*Λυγούρην*) объясняется влиянием контекста, посвященного лингурию (*λυγούριον*). Замечание об ископаемом характере данного вида янтара нужно Теофрасту для того, чтобы оправдать рассмотрение этого минерала вместе с камнями. Согласно теории, имевшей хождение в его время, янтарь имел растительное происхождение (ср. *Arist. Meteor.* 388b19–27; *Plin.* NH. XXXVII. 31–42).

30. Есть много и других камней, из которых изготавливают печати, например, стекловидный камень, который и отражает свет, и пропускает его сквозь себя; затем антракий и омфакс, а также хрусталь и аметист: оба они прозрачны, и находят их, как и сердолик, разбивая некоторые скалы. Есть, наконец, такие камни, которые, как уже говорилось ранее, хотя и носят одно и то же имя, отличаются друг от друга. Так, например, один вид сердолика, который прозрачен и имеет красный оттенок, называется женским, а тот, который желт и прозрачен, но отликает черным, – мужским.

31. Точно так же и лингурий, из видов которого женским называется более прозрачный и желтоватый. Мужским или женским бывает и азурит, причем мужской потемнее. В камне онихин белые слои чередуются с серыми, аметист же цветом подобен вину. Красив камень агат, название которого происходит от реки Ахата⁴⁶ на Сицилии; он дорого продается.

32. В золотых копях Лампсака был некогда найден удивительный камень, доставленный в Астиру⁴⁷, где из него была высечена печать, поднесенная, ввиду своей необычности, самому царю⁴⁸.

VI. 33. Всем названным выше камням наряду с красотой присуща и редкость; те же самые камни, происходящие из Греции, менее ценны, например, антракий из аркадского Орхомена⁴⁹; он темнее хиосского камня, и из него делают зеркала. Также и трезенский камень, который пестр из-за чередующихся в нем пурпурного и белого цветов; точно так же пестр и коринфский камень, за исключением разве того, что белизна в нем имеет зеленоватый оттенок.

34. Таких камней вообще большинство, а замечательные камни редки и возникают лишь в немногих местах, например, в Карфагене, или в окрестностях Массилии, или в Египте возле первого порога Нила и возле Сиены – около города Элефантины, – или в области, именуемой Псефо⁵⁰.

35. На Кипре это смарагд и яшма. Камни, употребляемые в финифтях⁵¹, происходят из бактрийской земли, из области пустынь, где их собирают конники, совершая туда наезды в пору летних ветров: именно тогда эти камни становятся видимы, ибо великая сила ветра сдвигает песок; размером они не велики и даже малы.

⁴⁶ Отождествляется с современной рекой Караби (Carabi), вблизи истоков которой добывают агаты.

⁴⁷ Если соглашаться с рукописным текстом (σπράν), камень был доставлен в маленький город Стиру на Евбее; везти его туда из золотоносных полей возле малоазийского Лампсака было бы довольно нелепо. В переводе условно принимается не подкрепленное никакими внешними свидетельствами исправление Шнейдера, предложенное читать в этом месте "Астиру". Город Астира располагался в нескольких десятках километров к юго-востоку от Лампсака и, по сообщению Страбона (XIII. 1. 23, 2–3: ...τῆ Ἀστύρα...κατεσκαμμένη πόλις), известен был своими золотыми рудниками.

⁴⁸ Цитируя это место, Плиний (NH. XXXVII. 193) добавляет имя царя: Александр; на этом основании старые издатели вслед за Турнебом дополняли и греческий текст. Однако всякий раз, когда Теофраст пишет об Александре, он употребляет его имя без каких-либо определений (например, Hist. plant. IV. 4. 1 и 5). Греческие авторы вообще, в отличие от римских, когда говорят о царе (βασιλεύς), подразумевают царя персидского, что, очевидно, имеет место и в настоящем случае.

⁴⁹ Рукописное чтение ἐξερχομένου исправлено на ἐξ Ὀρχομένου Турнебом на основе параллельного пассажа из Плиния (NH. XXXVII. 97).

⁵⁰ Сиена (Συήνη) – совр. Асуан, расположенный на восточном берегу Нила ниже первого порога; Псефо – (рукописное Ψεφό; конъектура Салмазия Ψεβί восстанавливает эллинистическую ученую норму, но поправляет, возможно, не только рукописи, но и Теофраста) – озеро к северу от Мероэ, столицы Нубии; совр. озеро Тана. Об этих местах в связи с фантастическими «бездонными» источниками Нила пишет Геродот (II. 28).

⁵¹ Шнейдер справедливо исправляет рукописную гаплографию λιθόκολλα («цемент») на λιθόκόλλητα. Плиний неверно понял это слово и оттого ошибочно истолковал весь пассаж (NH. XXXVII. 65): «<Бактрийские изумруды>, как говорят, собирают в расщелинах скал (in commissuris saxorum), когда дуют Этесии: в это время покрывающая их земля бывает удалена, и заметным становится их сверкание, потому что при этих ветрах песок приходит в движение». Очевидно, Теофраста занимали инкрустации металла драгоценными камнями: в XXIII главе его «Характеров» хвастун рассказывает о том, сколько украшенных камнями кубков (λιθόκολλα λούτρηα) он привез из походов Александра Великого. По предположению Эйхгольца камень, о котором здесь идет речь, – так называемая бирюза.

36. Среди высоко ценимых камней и так называемый жемчуг, по природе своей прозрачный⁵²: из него делают драгоценные ожерелья. Возникает он в некоей раковине, весьма похожей на мидию, но несколько меньшей; размером он равен крупному рыбьему глазу⁵³. Дает этот камень Индийская страна и некоторые острова в Красном море. Вот, пожалуй, все камни, в которых есть нечто исключительное.

37. Есть и другие камни, например, ископаемый бивень, расцветенный черным и белым; есть камень, именуемый сапфиром, который темен и не особенно отличается от мужского азурита, и камень прасит, ржавого цвета. Плотен камень кровавик: он мутен и, оправдывая свое имя, выглядит как свернувшаяся кровь. Другой камень, так называемый желтый, на самом деле не желт, а скорее белесый, но дорийцы все же называют его желтым камнем.

38. Между прочим, коралл – ведь и он совершенно как камень – цветом красен, а по форме округл, как корень; рождается он в море. В известном смысле недалеко от него по природе окаменевший индийский бамбук. Но это – для другого исследования⁵⁴.

VII. 39. Среди камней есть исмало и таких видов, которые добываются в рудниках. Некоторые из них содержат одновременно золото и серебро, но глазу видно только серебро: они гораздо тяжелее и весом, и запахом. Бывает и самородный азурит, содержащий в себе хризоколлу. Есть и другой камень, цветом подобный углям, но наделенный тяжестью.

40. Можно было бы перечислить и другие особенности, присущие таким камням⁵⁵.

41. А некоторые камни, как мы отмечали выше, обладают свойством не уступать воздействию – например, не режутся железом, но лишь другими камнями. И вообще даже крупные камни сильно различаются по применяемой к ним обработке: одни пилятся, другие, как уже говорилось, высекаются, третьи обрабатываются на токарном станке, как тот магнесийский камень, который замечателен и внешним видом, так что многие изумляются его сходству с серебром при отсутствии какого бы то ни было родства между ними.

42. Но в то же время очень многие камни поддаются любой обработке: такой камень в ископаемом виде встречается на Сифносе, на расстоянии трех стадиев от моря, круглый и комковатый – его можно и точить, и долбить ввиду его мягкости, но если его раскалить и опустить в масло, он становится весьма плотен и черен. Из него изготавливают настольную посуду.

43. Все подобные камни уступают силе железа, а некоторые можно резать только другими камнями, железом же – бесполезно, как мы уже указывали. Некоторые камни можно резать железными орудиями, но только притупленными⁵⁶; есть и другие различия⁵⁷. Равным образом странно⁵⁸, что некоторые камни невозможно ло-

⁵² Этот пассаж – первое упоминание о жемчуге в греческой литературе, чем, возможно, объясняется неточная его характеристика как «прозрачного» (διαφανής); по предположению Эйхгольца, Теофраст мог неверно истолковать свой анонимный источник, в котором было употреблено прилагательное διαυγής («полупрозрачный», «светящийся») или сходное с ним. Весь этот отрывок процитирован у Афиня (III. 45 Kaibel).

⁵³ Начиная с союза но остаток фразы в рукописной традиции утратился; он восстановлен Шнейдером по тексту Афиня.

⁵⁴ Ср. в списке трудов Теофраста у Диогена Лаэртца (V. 42. 16) упоминание о сочинении περὶ τῶν <ἄλο>λίθουμένων в двух книгах.

⁵⁵ Все начало этого параграфа, по содержанию плохо согласующееся с контекстом, в переводе вслед за текстом Эйхгольца перенесено в § 50.

⁵⁶ Рукописный текст данного параграфа испорчен и изобилует искажениями и лакунами. В этом месте рукописи дают чтение σιδῆροις (исправлено Эйхгольцем на σιδῆροις) (μὲν αἱ* δέ; пропуск убедительно восполнен Турнебом (ἀμβλυτέροις δέ) на основе параллели из Плиния (NH. XXXVII. 200. 6-8): iam tanta differentia est, ut aliae ferro scalpi non possint, aliae non nisi retuso («Различие <в степени их твердости> так велико, что одни можно резать железом, другие – только тупым»).

⁵⁷ В рукописях лакуна после καὶ εἰσὶν*; перевод следует восстановлению Эйхгольца: καὶ εἰσὶν ἄλλαι διαφοραί.

⁵⁸ Рукописи здесь содержат лишенный смысла текст παραλληλίστως δὲ κάτω, который Виммер и Эйхгольц разумно предлагают исправить на παραλληλίστως δὲ καὶ ἄτολον: это тем вероятнее, что следующий § 44 начинается со слов ἄτολον δὲ κάκεινο.

мать⁵⁹ железом, при том, что железо, будучи вообще-то тверже камня, с большей силой разбивает и более жесткие породы.

44. Странным выглядит и то, что оселок съедает железо, тогда как железо само способно разделять его на части и придавать ему желаемую форму, хотя для камня, из которого вырезают печати, силы его не хватает. Но камень, которым вырезают печати, в свою очередь, относится к тому же роду, что и оселок, или к весьма с ним схожему: наилучшие⁶⁰ из таких камней ввозятся из Армении.

45. Изумляет и природа камня, проверяющего золото: создается впечатление, что он обладает теми же свойствами, что и огонь, ибо и огнем оценивается золото. Из-за этого кое-кто теряется в сомнениях; впрочем, сомнения эти не особенно оправданы. Дело в том, что в том и другом случае проба совершается разными путями: огонь проверяет золото по изменению и чередованию⁶¹ цветов, а пробирный камень – посредством оставленных рядом следов от трения, поскольку он, по всей видимости, способен выделять природу каждого образца.

46. Рассказывают, что теперь уже найден пробирный камень много лучше прежнего: он будто бы распознает не только очищенное золото, но и сплавы его с медью, равно как и сплавы меди с серебром, а также сколько и каких примесей приходится на один статер. Эти люди делают на камне метки, начиная с наименьшего количества примеси, а за таковое принимается [ячменное зерно, затем золотник, затем] четверть обола или полуобол⁶²: так по меткам они распознают точную пропорцию металла.

47. Все эти камни находят в реке Тмоле⁶³. По природе своей они гладкие и похожи на шашки⁶⁴, плоские, а не округлые; размером они примерно вдвое больше самой крупной шашки. В отношении пробирных достоинств различают их верхнюю и нижнюю, по направлению к солнцу, стороны, причем для проверки лучше верхняя сторона: это оттого, что верхняя сторона суше, так как сырость препятствует взятию пробы. Поэтому и при нагревании пробирные свойства камня также ухудшаются, ибо он испускает из себя некую влагу и делается скользким. То же самое происходит и с другими камнями, в том числе с теми, из которых высекают изваяния богов: это принимают за знамение, полагая, что истукан покрывается потом⁶⁵.

⁵⁹ В предыдущей фразе говорилось об обработке (ὑλφονταί) камня инструментом; здесь речь идет о его добыче в каменоломнях (τέμνεσθαί).

⁶⁰ Хотя явной лакуны в тексте и нет, без добавления качественного эпитета (βελέτιστη Эйхгольц по аналогии с § 52 и 53) синтаксис фразы невозможен.

⁶¹ В переводе принимается исправление ἀλλοιοῦν, внесенное Турнебом вместо рукописного ἄσποιν (последнее, если интерпретировать его значение как «указывать цену», влечет за собой синтаксическую несообразность). Параллель к этому высказыванию Теофраста дает следующее место из Плиния (NH. XXXIII. 59. 3–7): «...это единственное вещество, которое не терпит от воздействия огня никакого ущерба... огонь служит испытанием для качества золота: оно должно краснеть и светиться, как огонь; это испытание называется obrussa». Различные примеси при нагревании окрашивают золото по-разному.

⁶² Вслед за К. Шварце (*Schwarze C.A. De lapide Lydio commentatio. I–II. Gortitz, 1805–1806*) Эйхгольц принимает помеченные квадратными скобками слова [κρῖθη, εἶτα κολλυβος, εἶτα] за глоссу, объясняющую аттическую систему мер. В противном случае пробирный камень должен был бы способен определять примеси объемом в 1/288 часть статера (8,747 г) – именно такова разница между наименьшей величиной, κρῖθη (0,0606 г) и следующей за ней, т.е. золотником (κολλυβος = 0,0909 г). Это, конечно, неправдоподобно.

⁶³ Известна лишь гора в Лидии, но не река с таким названием.

⁶⁴ Тессеры (ψήφοι) для голосования, счета, игры и прочих надобностей могли быть самой разной величины; согласно Плинию (NH. XXXIII. 126), размеры пробирного камня в среднем равнялись 2 × 4 дюйма.

⁶⁵ Перевод вслед за Эйхгольцем принимает принадлежащий анонимному филологу вариант ὡς ἰδιοντος τοῦ ἔδου, сохранившийся на полях хранящегося в Британском музее экземпляра издания Турнеба 1577 г. Аналогичный феномен, касающийся деревянных статуй, описан Теофрастом в «Истории растений» (Hist. plant. V. 9. 8): «...поэтому и говорят иногда, что изваяния потеют (τὰ σὺλλυβῶτα φασὶν ἰδίειν), – ведь их делают и из такого дерева [т.е. из кедра и пород с маслянистым соком]». Рукописное чтение ὡς ἰδιον τὸ τοῦ εἶδου («[что полагают знаком], свойственным данному виду») малоубедительно.

VIII. 48. Таковы в общих чертах различия и свойства⁶⁶ камней. У видов земли таковых меньше, но они более своеобразны. В самом деле, земле также присуща способность расплавляться, размягчаться и потом вновь затвердевать. Расплавляется она, так же как и камень, вместе с расплавляемыми ископаемыми⁶⁷, но она может и размягчаться, и из нее изготовляют камни, – к примеру, разноцветные и прочие виды, производимые искусственно⁶⁸. Все они изготовляются путем размягчения и обжига земли.

49. И если стекло, как сообщают, образуется из стеклянной земли, то происходит это именно благодаря обжигу⁶⁹. В высшей степени своеобразна земля, примешиваемая к меди: помимо способности расплавляться и смешиваться, замечательная способность ее состоит в том, что она улучшает красоту цвета меди. В Киликии есть некая земля, которую варят и она становится клейкой; ею вместо липучки⁷⁰ обмазывают виноградные лозы против древесного червя.

50. Можно было бы взять те отличительные свойства⁷¹ земли, которые делают ее пригодной к затвердению до плотности камня, однако⁷² и те свойства, что придают каждой земле свой вкус, точно так же имеют особую природу, как те, что придают различные вкусы растениям. Удобнее же всего земли расположить по цветам, которыми пользуются и живописцы. (40) Вообще говоря⁷³, наиболее многочисленные и наиболее своеобразные их породы обнаруживаются в рудниках; некоторые из них, как охра желтая и красная, состоят из земли, другие из своего рода песка, как хризоколла и азурит, а

⁶⁶ Открывая вторую главную часть своего трактата, посвященную землям, Теофраст еще раз сверяет материал с формальными рамками теории: подобно тому как в рассуждении о камнях основой классификации были из отличительные свойства, διαφορά (букв. «отличия») и, внутри таковых, свойства более частного порядка, – δύναμις, «силы» минералов, с этих же позиций будут рассматриваться и земли (ср. § 3-4). К «силам» относятся описываемые здесь же такие способы взаимодействия с другими веществами, как способность расплавляться (τήκεσθαι) и размягчаться (μαλάττεσθαι, здесь этот инфинитив предложен Турнебом в качестве исправления рукописного ἀλλοιοῦσθαι, «изменяться», что вполне оправдывается содержанием и употреблением следующей фразы). Хотя глагол τήκεσθαι в греческой научной прозе может употребляться как в значении «плавиться от огня», так и «размягчаться от воды» (например, Arist. Meteor. 383b14), а глагол μαλάττεσθαι даже скорее может означать размягчение от огня, смысл, приданный им в переводе, вполне оправдывается параллельным узусом в § 61, интерпретация фактического содержания которого не оставляет места для сомнений.

⁶⁷ τοῖς χυτοῖς καὶ ὀρυκτοῖς; имеют в виду металлические руды, при обработке которых часть шлаков и минеральные добавки могут сплавляться с металлом, как, например, описываемый тут же в § 49 процесс сплавления каламина с медью для образования бронзы.

⁶⁸ Речь идет, очевидно, о кирпичях, в том числе о цветных глазурованных камнях, производимых на Ближнем Востоке; о них еще раз упоминается ниже в § 61. Этот пример иллюстрирует два свойства земель – способность размягчаться с водой и вновь отвердевать.

⁶⁹ Рукописи дают чтение πυκνώσει («уплотнением»), которое Эйхгольц, следуя старой конъектуре де Лата (de Laet, изд. 1647 г.) и руководствуясь контекстом, с полным основанием исправляет на πυρώσει.

⁷⁰ ἀντὶ ἰξοῦ, букв. «вместо птичьего клея», вещества, получаемого из ягод омелы белой (viscus albus) и используемой для ловли мелких птиц; однако расширительно слово ἰξός могло употребляться для обозначения любой липкой субстанции. Существо вопроса проясняет параллель из Плиния (NH. XXXV. 194. 7): bitumini simillima est ampelitis, «виноградная земля весьма похожа на асфальт».

⁷¹ διαφορά; в этом параграфе Теофраст рассуждает о том, каким признаком следует руководствоваться при классификации земель. Наиболее ценным, с этой точки зрения, свойством, по сравнению со способностью к затвердеванию и вкусом, оказывается цвет.

⁷² Синтаксис трактата дает в данном случае яркий пример эллиптической конструкции εἶη δ' ἄν – ἐπεὶ ... ἔσθαι с уступительным значением. Понимание протазиса как причинного предложения провоцирует затуманивающую смысл конъектуру τῶν τόπων (sc. διαφορά) вместо рукописного τοῖς τοῖς, впервые предложенную Турнебом, за которым последовали все дальнейшие издатели, кроме Эйхгольца. При таком чтении влияние местности на различие между «соками» земель оказывается причиной, объясняющей разницу их способность к затвердеванию.

⁷³ Перевод повторяет текст Эйхгольца, который переносит в это место большую часть § 40. Эта фраза, совершенно выбивающаяся из контекста рассказа о камнях, оказывается весьма к месту в рассуждении о видах земель, причем не только содержательно, но и синтаксически: благодаря такому переносу отпадает надобность в конъектуре Шнейдера, в рукописное τὸ δ' ἄν добавившего противительную частицу: τὸ δὲ ἄν; заодно получает объяснение и причинный союз ἄν в начале следующего предложения.

некоторые – из пыли, как сандарак, желтая обманка и подобные им. (50) В самом деле, как уже говорилось вначале, их возникновение происходит путем некоего истечения и отцеживания. Впрочем, некоторые виды образовались, по всей вероятности, путем частичного или полного обжига, как, к примеру, сандарак, желтая обманка и подобные. Одним словом, все подобные вещества образуются из некоего сухого и дымного испарения⁷⁴.

51. Находят все эти земли в серебряных и золотых копях, некоторые – в медных копях, а именно, желтую обманку, сандарак, хризоколлу, красную и желтую охру, азурит; последний вид, впрочем, реже всего и в наименьших количествах. Из прочих некоторые земли залегают в жилах, но про охру рассказывают, что она бывает собрана в целые глыбы; красная же охра встречается всяческих оттенков, поэтому живописцы⁷⁵ пользуются ею для получения телесного цвета; кстати, охру употребляют вместо желтой обманки, от которой цвет ее, вопреки первому впечатлению, ничем не отличается.

52. А в некоторых местах, например, в Каппадокии, имеются рудники, где промышляют вместе и красную, и желтую охру, причем помногу. Но для рудокопов, как говорят, эта жила крайне опасна из-за угрозы задохнуться – там это происходит внезапно и мгновенно⁷⁶. Наилучшей – ведь есть много разновидностей – считается красная охра с Кеоса. Частью⁷⁷ она происходит из рудников, ибо и железные копи содержат красную охру. (53) Но в малом руднике она добывается сама по себе. (52) Есть, впрочем, и лемнийская охра, и та, которую называют синопской. Эта последняя на самом деле – каппадокийская, и в Синолу она просто ввозится.

53. Красной охры существует три вида: темно-красная, белесая и средняя. Последнюю мы зовем «самодостаточной», так как ее не приходится ни с чем смешивать, тогда как другие виды смешивают. Кроме того, красная охра, хоть и худшего качества, получается также путем пережигания охры обыкновенной. Изобретение это принадлежит Кидию⁷⁸: он придумал его, как говорят, когда после пожара в одной лавке он приметил, что полусожженная охра покраснела.

54. В печь ставят новые горшки, запечатанные глиной⁷⁹: хорошенько прокалившись, они запекают находящуюся в них охру, и чем сильнее обжигаются они сами, тем темнее и тем более похожей на уголь становится охра. Свидетельством в пользу сказанного служит сам способ возникновения: действительно, если исходить из того, что в данном случае он тождествен или подобен естественному способу, мы должны будем

⁷⁴ С этим комбинированным контекстом нашего трактата можно сравнить следующее место из 4-й книги «Метеорологии» Аристотеля (*Arist. Meteor.* 378a 26): «Сухое испарение – это то, что своим жаром создает все минералы, т.е. всякого рода камни, не способные плавиться: сандарак, охру, сурик, серу и все такое прочее. Большая часть минералов – это окрашенная пыль или камень, образованный из такого состава, например киноварь» (пер. Н.В. Брагинской). Теофраст придерживается более разветвленной теории относительно структуры земель, чем его учитель.

⁷⁵ Рукопись содержит вариант *βοφείς*, «красильщики» (тканей), однако контекст со всей ясностью подтверждает верность исправления *υρσφείς*, которое предложил в издании 1605 г. Furlanus; о «телесном цвете» (*συνδρέικελον*) в живописи речь идет и в Платоновом «Кратиле», 424e.

⁷⁶ В списке сочинений Теофраста у Диогена Лаэртца (V. 45. 17) упоминается трактат «Об удушении» (*περὶ πνιγμοῦ*) в одной книге.

⁷⁷ Текст в этом месте несомненно испорчен. Открывающему эту фразу сочетание *ἢ μὲν* в начале этой фразы, в дальнейшем не находится ожидаемого соответствия. Принимая предложенную Эйхгольцем перестановку фразы из § 53, мы получаем искомое соответствие (*ἐν δὲ τῷ πικρῷ <μετάλλῳ>*), и хотя интерпретация данного места держится на довольно искусственном добавлении слова «рудник» к невятному рукописному «в малом», общая верность этого исправления подтверждается тем, что для Теофраста противопоставление земель, сопровождающих месторождения металлов, и тех, что добываются самостоятельно в особых рудниках, имеет фундаментальное значение. Последним посвящена вся глава IX трактата (начиная с § 61).

⁷⁸ Плиний (NH. XXXV. 130) говорит о Кидии как о (кажется, младшем) современнике Евфранора (расцвет которого приходится на 104 Олимпиаду, т.е. 364 г. до н.э.); оратор Гортезий, по словам Плиния, приобрел картину Кидия «Аргонавты» за 144000 сестерциев и воздвиг для ее хранения особое святилище в своей тускуланской усадьбе.

⁷⁹ В рукописном предании текст очевидно испорчен; современные издатели следуют исправлениям Турнеба: *κοινὰς* вместо *κενὰς* (ошибка объяснима фонетически) и *πλῆθ* вместо маловразумительного *πολύν*. Такая интерпретация подтверждается параллельным местом из Плиния (NH. XXXV. 35): *fit ochra exusta in ollis novis luto circumlitis*.

принять, что превращения, которые претерпевают все такие вещества, происходят под воздействием огня⁸⁰.

55. Подобно тому, как красная охра бывает природная и искусственная, точно так же есть самородный азурит, а есть и приготовленный, как делают его в Египте. Есть три вида азурита: египетский, скифский и кипрский, из которых для неразведенных красок наилучший египетский, а для разведенных – скифский. Египетский азурит – приготовленный, и царские летописцы отмечают, между прочим, кто из царей первым произвел плавленный азурит в подражание натуральному; они сообщают также, что наряду с дарами, шедшими из других стран, из Финикии подать присылали азуритом, частью обожженным, а частью необожженным. Растирщики красок утверждают, что скифский азурит уже сам по себе дает четыре оттенка, причем первый, самый бледный из них, получается из самых тонких частиц, а второй, самый темный, – из самых грубых. Искусственно получают не только эти земли, но и свинцовые белила.

56. Кусок свинца размером с кирпич кладут в бочку на уксус. Когда он прибавит в толщине – а происходит это дней за десять, – бочку открывают, и со свинца соскребают нечто вроде плесени, после чего кладут его назад, и так до тех пор, пока весь он не будет израсходован. Оскребки толкут в ступе и отцеживают⁸¹; то, что остается в конце, и есть свинцовые белила.

57. Сходным образом получается и ярь-медянка. Красную медь кладут на винный отстой и соскребают возникающий на ней налет: образующаяся медная ярь появляется на ее поверхности⁸².

58. Также и киноварь бывает самородная, а бывает и изготовленная. Весьма твердая и камнеподобная киноварь, которую находят в Испании, – самородная, равно как и киноварь, добываемая в Колхиде: там, как рассказывают, она залегает на обрывах, откуда ее сбивают выстрелами из луков. Искусственная киноварь вся происходит из единственного места неподалеку от Эфеса вглубь материка, «в области Кильбийцев»⁸³. Там есть песок, который светится как червленая ягода⁸⁴; его собирают и основательно толкут в каменных сосудах, а когда получают мельчайший порошок, моют в медных сосудах, отделяют осадок и вновь толкут и моют. Дело требует сноровки: из равных количеств одни извлекают много киновари, а другие – мало или вообще ничего; остающиеся же сверху обмывки используют для покраски – ровно столько, сколько их есть⁸⁵.

⁸⁰ Искусственный процесс образования минерала объясняется по аналогии с естественным, в котором для Теофраста роль *causae efficientis* играет огонь. Ср. об этом же § 68–69; см. также Введение.

⁸¹ Перевод вместе со Шнейдером исправляет искаженное чтение рукописей $\alpha\phi\theta\upsilon\theta\upsilon\sigma\tau\nu$ на $\alpha\phi\theta\upsilon\theta\upsilon\sigma\tau\nu$ «отжимают», или, лучше, вместе с Эйхгольцем на фонетически корректную и зафиксированную у Теофраста (Hist. plant. IX. 8. 3) форму $\alpha\lambda\lambda\theta\upsilon\theta\upsilon\sigma\tau\nu$.

⁸² Греческий текст испорчен и не поддается однозначному восстановлению, однако общий смысл не вызывает сомнений.

⁸³ Текст этого и следующего предложения в значительной мере реконструирован издателями, в частности, осмысленный раздел между фразами найден был Турнебом: $\epsilon\zeta\ \epsilon\nu\theta\varsigma\ \tau\omicron\lambda\upsilon\nu\ \mu\omicron\nu\upsilon\nu$. $\epsilon\sigma\tau\iota\ \delta\prime\ \alpha\iota\sigma\tau\omicron\varsigma\ \kappa\tau\lambda$. Когда ниже речь заходит о медных сосудах, рукописи добавляют бессмысленное сочетание $\mu\iota\kappa\rho\nu\ \epsilon\nu\ \kappa\omicron\lambda\omicron\iota\varsigma$; необходимость избавиться от него дает Эйхгольцу некоторое основание к словам $\mu\iota\kappa\rho\nu$ 'Ефесов' $\mu\iota\kappa\rho\nu$ добавить (этно)топоним $\epsilon\nu\ \text{Κιλβίωνος}$. Подобная правка находит частичное подтверждение в сообщениях (ни одно из которых, к сожалению, нельзя признать совершенно внятным) нескольких античных авторов, в том числе Плиния (NH. XXXIII. 114): «Этот (колхидский) вид киновари, однако, поддельный; лучший из всех происходит из Кильбийской равнины выше Эфеса (supra Ephesus Cilbianis agris); это песок, разделенный цветом червеной ягоды».

⁸⁴ $\kappa\omicron\kappa\kappa\omicron\varsigma$ – согласно античным представлениям, ягода, из которой добывается краска кармин; в действительности это не ягода, а насекомое кермес, вид кошенили.

⁸⁵ Эйхгольц в своем комментарии интерпретирует употребленный здесь оборот $\epsilon\nu\ \mu\epsilon\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\nu$ как «в первую очередь» («above all», Eichholz. P. 126), основанием для чего, по его мнению, служит использование его в сравнениях и якобы приобретенный им оттенок значения, аналогичный родственному выражению $\epsilon\nu\ \alpha\nu\theta\epsilon\prime\ \epsilon\nu\theta\varsigma$, которое несомненно наделено усилительной функцией в таких пассажах, как Plat. Resp. 331b6, Philob. 63c1–2. Однако ближайшее рассмотрение нашего контекста показывает, что Теофраст, говоря о результатах описанного им технологического процесса, сопоставляет выход киновари, который непостоянен ($\epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\ \iota\beta\omicron\upsilon\ \tau\omicron\lambda\upsilon\ \delta\lambda\iota\upsilon\upsilon\nu$), и выход побочного продукта, используемого как грунт ($\alpha\lambda\lambda\epsilon\iota\phi\omicron$, по всей видимости, означает здесь «грунтовать»): участвующая в процессе вода превращается в готовый грунт практически полностью.

Киноварь образуется в осадке, скапливаемом в низу, а то, что сверху, – и это большая часть всего, – обмывки.

59. Этот способ выработки киновари изобретен был, как говорят, неким Каллием, афинянином из серебряных рудников, который собирал и исследовал песок, из-за его сияния полагая, что он содержит золото. Обнаружив, что золота в нем нет, но по-прежнему восхищаясь прекрасным цветом песка, он пришел к открытию своего способа. Этот последний отнюдь нельзя назвать древним: он насчитывает всего около девятидесяти лет до архонства Праксидула в Афинах⁸⁶.

60. Из сказанного ясно, что искусство подражает природе⁸⁷, но создает и собственные свои вещества – одни ради их пользы, другие только ради их вида, как краски, а третьи ради того и другого, как, например, жидкое серебро⁸⁸ – ведь и ему находит применение⁸⁹. Его получают, перетирая киноварь⁹⁰ с уксусом в медной ступе медным же пестом. Можно, по-видимому, найти и другие примеры в том же роде.

IX. 61. Из числа разрабатываемых земель еще остаются те, которые добываются в земляных раскопах⁹¹. Они возникают, как уже говорилось вначале, из некоего истечения и выделения⁹², отличающегося особой чистотой и равномерностью. Цвета получают из них всевозможные, в силу различий как между самими веществами, так и между способами их приготовления⁹³: одни из них размягчают, другие размалывают и плавят, чтобы изготовить камни того рода, что ввозятся из Азии⁹⁴.

⁸⁶ Как следует из хронологии Диодора Сицилийского (XIX. 55. 1. 2), Праксидул был архонтом Афин во второй год 116 Олимпиады, т.е. в 315 г. Следовательно, открытие Каллия, судя по данному контексту, промышленника, первоначально ведшего разработки в Лаврии и изгнанного оттуда Пелопоннесской войной, приходится на 495 г.

⁸⁷ Эта важная для перипатетической школы мысль, противопоставляющая учению Платона о подражании как несовершенному «соучастию», высказана Аристотелем уже в «Протретики» (Fr. 11 Rose); она встречается и в 4-й книге «Метеорологии» (Arist. Meteor. 381b8); наиболее близкое к рассматриваемому месту у Теофраста ее выражение мы находим в «Физике» (Arist. Phys. 199a12): «...искусство в одних случаях завершает то, что природа не в состоянии произвести, в других подражает ей».

⁸⁸ Такое обозначение ртути мы встречаем также у Аристотеля в трактате «О душе» (Arist. De anima. 406b19): «Некоторые утверждают, что душа движет тело, в котором она находится, потому что она сама движется. Таково мнение Демокрита, сходное с высказыванием постановщика комедий Филиппа о том, что Дедал сообщил движение деревянному изваянию Афродиты, влив в него ртуть (ἐγγέαντ' ἀργύρου χυτόν)» (пер. П.С. Попова).

⁸⁹ В переводе принимается исправление рукописного χρβα на χρεία, которое предложил в своем издании Furlanus.

⁹⁰ Слово «киноварь» (κιννάβαρι) добавлено Турнебом на основе параллельного контекста у Плиния (NH. XXXIII. 123, 3–4): «Есть два способа приготовления этого вещества – или растирая киноварь медным пестом в медной ступе (aereis mortariis pistillisque trito minio ex aceto), или...».

⁹¹ Теофраст переходит к последнему предмету своего исследования – землям, которые, в отличие (ср. противопоставление в начале параграфа: τῶν δὲ μεταλλευτῶν) от других земель, разрабатываемых как побочный продукт в месторождениях металлической руды (§ 52), служат предметом самостоятельной разработки в особых рудниках. Для обозначения последних он пользуется описательным названием τὰ γεωφάνη («землистые [руды]»), которое, возможно, превратилось в самосский топоним. Хотя в такой форме это название больше нигде не встречается, параллельный его вариант τὰ γεωφάνεια хорошо засвидетельствован у лексикографов – в словаре Поллукса (VII. 99. 7–8: πολλὰ δ' ἂν καὶ ἄλλα εἶη μέταλλα, ὥσπερ ἐν τῷ Σάμῳ τὰ καλούμενα γεωφάνεια), в Etymologicum Magnum (229. 21) и в «Суде», где передается рассказ Эфора о некоем Мандробуле, который, обнаружив на Самосе земляной рудник, сперва посвятил божеству золотого овна, затем серебряного, затем медного и поменьше, а в конце концов и вовсе ничего.

⁹² συρροῖς καὶ ἐκκρίσεως – о перипатетической теории формирования минералов см. Введение.

⁹³ Рукописная традиция сохранила испорченный текст: ὑλοκεμένων... διὰ τὴν ... τῶν *ουόντων. Последнее слово на основании дальнейшего контекста убедительно восстановлено Турнебом до λοούτων, однако по-прежнему отсутствующая внутри фразы синтаксическая связь делает ее интерпретацию заведомо ненадежной. Этого стремится избежать предложенное Эйхгольцем дополнение (διὰ τὴν τῶν) ὑλοκεμένων φύσιν καὶ («в силу природы самих субстанций»), однако само по себе оно вполне произвольно и не имеет никакой опоры в тексте.

⁹⁴ Речь, по всей видимости, идет о месопотамских глазурованных кирпичиках: такому предположению хорошо соответствуют описанные здесь технологические процессы.

62. Есть, вообще говоря, три или четыре самородные земли, которые наряду с необычными имеют полезные свойства: мелосская, кимолосская, самосская и, помимо названных, тимфейская⁹⁵, то есть гипс. Художники пользуются только мелосской землей, но не самосской⁹⁶, невзирая на красоту последней, ввиду того, что ее отличают жирность, плотность и нежный состав. В самом деле, для живописи лучше подходит умеренная жесткость⁹⁷ строения и отсутствие жира, что как раз и свойственно мелосской земле наряду с рыхлостью.

63. Есть много и других различий между видами земли на Мелосе и на Самосе. В самосском руднике работник не может копать стоя, и ему приходится лежать на спине или на боку. Хотя жила имеет большую протяженность, высота ее составляет всего примерно два фута⁹⁸, тогда как глубина намного больше; с обеих сторон ее заключает скальная порода, откуда и приходится извлекать землю. Посередине жилы проходит слой⁹⁹, качеством превосходящий окружающие его пласты, затем идет еще один такой же слой, потом еще один, третий, и так вплоть до четвертого, который лучше всех остальных и называется «звездю»¹⁰⁰.

64. Землю из этого слоя употребляют едва ли не исключительно для выделки плащей. Так же используют и тимфейскую землю, которую жители Фессалии¹⁰¹ и окрестных мест называют гипсом. Больше всего гипса и заметнее всего его месторождения на Кипре: копающим его приходится снять лишь небольшой слой почвы. В Финикии и Сирии его производят, обжигая камни, так же как и в Фуриях, где его добывается весьма много. Третий вид гипса – в Тимфее, Перребии и других местах.

65. Своеобразна природа этих видов, больше похожая на камень, чем на землю, причем на камень вроде алебастрита¹⁰², – правда, при этом он имеет узловатое строение и оттого не режется на крупные куски. Замечательна клейкость и жар, который он производит, если его намочить. Этими свойствами гипса пользуются в строительстве: его наливают непосредственно вокруг камня¹⁰³ или других подобных вещей, когда требуется скрепить их.

⁹⁵ По названию горы Τύμφη в Эпире и соседнему селению Тимфее (см. ниже § 64).

⁹⁶ Названия земель в этом месте в рукописях сильно искажены; современный текст и вслед за ним перевод основаны на исправлениях Салмазия (Μηλίαιδι μόνον вместо рукописного μιλία διὰ μόνον) и Турнеба (τῆ Σομίᾳ вместо τῆς Μίᾳς), впрочем, в контексте предыдущей фразы, весьма убедительных.

⁹⁷ Правка безнадежно испорченного рукописного текста (ἤρεμον καὶ *δεῖς) облегчается необходимостью назвать здесь свойства, противоположные перечисленным в предыдущей фразе свойствам самосской земли; в то же время предложенные варианты – как старая конъектура Салмазия ἀραῖον [в аппарате у Эйхгольца ошибочно ἀραῖον] καὶ ἤρεμα τραχῆδες, так и позднейшая упрощенная ее версия ἤρεμα τραχῆδες (которая имеется уже у Шнейдера, хотя Эйхгольц и приписывает ее себе), – имеют слабую опору в палеографии.

⁹⁸ Смысл повествования требует принять здесь конъектуру Турнеба, который рукописное διπλοῦς «двойной» исправляет на δίπλους «двухфутовый». В описании рудника не вполне ясным остается противопоставление высоты (ὕψος) глубине (βάθος). По предположению Эйхгольца, первое из этих слов могло бы означать истинную высоту штольни, а второе – кажущуюся высоту; такое возможно только в жиле, расположенной под большим наклоном. Сама по себе малая толщина разработки вполне типична для древности; в Лаврийских рудниках высота большинства галерей не превышает 3 футов.

⁹⁹ Еще одно необходимое исправление Турнеба: διαφυῖν вместо сохраненного традицией ифинитива διαφύειν.

¹⁰⁰ Речь, видимо, идет о торговой марке, которой помечали готовые брикеты добытой из этого слоя глины.

¹⁰¹ Бессмысленный текст рукописей θεάτων δέ требует правки, при этом предложенный Эйхгольцем вариант Θετταλίον τε предпочтительнее по сравнению с τε Ἄθων Турнеба, так как упоминаемая чуть ниже местность Перребия (Περρῶνβια) находилась в северной Фессалии и соседствовала с эпирской Тимфеей.

¹⁰² См. выше § 6.

¹⁰³ Перевод основан на исправлениях, внесенных издателями в рукописный текст: περιέχοντες (περιχέοντες Turnebus) τοῦτον τὸν λίθον (ἀντὶ τῆ λίθου Eichholz), который в исходном своем виде создавал бессмыслицу (нечто вроде «окружая этот камень (т.е. гипс)»).

66. Разбив гипс на куски, его заливают водой и перемешивают палками, так как руками делать это невозможно из-за жара. Воду добавляют прямо перед употреблением, потому что если приготовить раствор хотя бы немного загодя, он тут же застывает, и его уже невозможно расколоть. Замечательна и его прочность: даже когда камни лопаются и расходятся, гипс ничуть не ослабляет свою хватку, и нередко бывает, что низ строения обрушился и его убрали, а верхняя часть по-прежнему остается на весу, удерживаемая связующей силой гипса.

67. Старый гипс можно удалить и, обжигая его, вновь и вновь делать пригодным к употреблению. Вот для чего, главным образом, пользуются гипсом на Кипре и в Финикии, а в Италии еще и для изготовления вина¹⁰⁴. Применяют его в некоторых приемах своего искусства и художники, а также валяльщики, обрызгивающие им плащи. Считается, что благодаря своей клейкости и равномерному составу он не имеет себе равных при изготовлении оттисков с печатей, и именно для этого дела его в первую очередь употребляют в Греции.

68. В таких и подобного рода вещах проявляется сила гипса; природа же его, очевидно, каким-то образом соединяет свойства извести и земли, то есть клейкость и жар, а точнее, обладает тем и другим в превосходящей степени, делая его более жарким, чем известь¹⁰⁵, и намного более клейким, чем земля. О присутствии в нем огненного начала говорит и такой случай. Однажды корабль вез груз гиматиев, которые, намкнув, загорелись, и с ними сгорел и сам корабль.

69. Далее, в Финикии и Сирии гипс изготавливают путем пережигания его в печи. Пережигают в первую очередь мрамор, и именно самый прочный, ради более скорого и глубокого сгорания добавляя навоз¹⁰⁶. считается, что как только он займется, навоз горит чрезвычайно жарко и продолжительно. После того как сырье запеклось, его разбивают на куски как известь. Из всего этого с достаточной очевидностью явствует, что в целом причиной возникновения гипса служит огонь.

¹⁰⁴ Такой смысл дает предложенное Турнебом исправление рукописного τὸν οἰκεῖον на τὸν οἶνον. Гипс (чаще – родственный ему и обычно смешанный с ним сернистый ангидрит) в самом деле добавляют в виноградное сусло в процессе декантации и осветления. Конъектура Салмазия – τὴν κοινότητα «для побелки, грунтования» – менее убедительна палеографически.

¹⁰⁵ В реальности термическая реакция гипса выражена довольно слабо и в любом случае гораздо менее ярко, чем у (негашеной) извести. Преувеличивая ее интенсивность, Теофраст делает вывод о том, что гипс обладает внутренним жаром и рассматривает, в духе своей теории, огонь в качестве действующей причины его образования (ср. § 69).

¹⁰⁶ Рукописный текст в этом месте явно испорчен: нет смысла при пережигании мрамора (за который Теофраст ошибочно принимает кристаллы природного гипса) для жара добавлять более прочный мрамор; тем более бессмысленно говорить в таком контексте о «простом» мраморе. Поэтому предлагаемый перевод ориентируется не на рукописный вариант καὶ ἀπλοῦστέροῦς στερεωτάτου μὲν παραπιθέντες *τα κτλ., а на синтетическое исправление καὶ ἀπλῶς τοὺς στερεωτάτου (Schneider), βολύτον παραπιθέντες ἔνεκα (Eichholz) κтл.; основанием для такой правки может служить параллельное место из Плиния (NH. XXXVI. 182): «Камень, обжигаемый для этой цели, должен быть похож на алебастрит или зернистым, как мрамор; в Сирии для этой цели берут самые твердые камни и пережигают их с коровьим навозом (sospitque cum fimo bubulo) для ускорения процесса».